

КОНСТАНТИН ФРЕС

КОРОЛЬ ДРАКОНОВ
СИЛЬНЕЕ СМЕРТИ

Константин Фрес

Король Драконов: сильнее смерти

<https://litres.ru/74203467>

Аннотация

В академию "Алмазное Сердце", к магистру Аргенту, обращается за помощью молодой Алый Король, Демьен Ясноглазый. В его стране происходят непонятные и пугающие вещи. Таинственные Похитители Времени пытаются остановить ход времени во всем королевстве, все больше людей напрочь забывают о себе абсолютно все, а сам король каждую ночь видит во сне свою потерянную любовь, таинственную незнакомку Виолетту. Кто на сей раз затеял большую шахматную партию с Королем Драконов, и кому удастся выйти из нее победителем? Вот вопрос...

Содержание

Глава 1. Старые часы	4
Глава 2. Молодой Король	17
Глава 3. Королевские сны	29
Глава 4. Башня Королевских Часов	43
Глава 5. Король, снег и Ежинка	74
Глава 6. Страж Короля Зимы	91
Конец ознакомительного фрагмента.	93

Глава 1. Старые часы

Зима все не наступала.

Днем притихшее королевство заботливый Декабрь укутал в снежную шубку. Щедро сыпал он пушистых снежинок на крыши, выбеливая красную глиняную черепицу; ветрами разносил колкие снежные иглы по улицам, заставлял веселым роем плясать перед золотыми окнами, загорающимися вечером. Натирал добела загорающиеся первые звезды.

К ночи разыгрывалась настоящая выюжная метель, поющая тонким голосом в бархатном синем небе над городом, танцующая, кружащаяся беспечно вокруг шпилей, перепрыгивающая с башенки на башенку. Она хвасталась своей новой пышной юбкой, крутила резные флюгера и хлопала бьющимися на ветру королевскими флагами.

Метель тонкими пальцами щелкала по колоколам на самой высокой королевской башне, и они переговаривались оживленными звонкими голосами, порядком продрогнув. Остро пахло морозом и холодной свежестью, как пахнут лед и снег в самую лютую стужу. Река, огибающая крепостные стены города, белела, неся в своих угольно-черных водах мокрый снег и тонкие пластинки льда, позванивающие, как серебряные серьги в ушах Королевы-Зимы.

Люди в домах подкидывали в жарко пылающий очаг поленья-другое, чтобы согреться, и с надеждой поглядывали в

окно, щедро изрисованное хрустальными прекрасными узорами.

- Ну, пришла зима! - говорила раскрасневшаяся хозяйка, вытаскивая из жаркой печи пироги. - Завтра надену новую шубку, и сапоги, которые на ярмарке купила...

Но к утру мороз стихал, и метель, оттанцевав свое, уносила прочь, вслед за укатывающейся с небосвода золотой луной. Рассыпанные ветрами снежинки быстро таяли, с красных черепичных крыш капало, сосульки тонкими хрустальными нитями свисали с мокрых подоконников, до самой оттаявшей земли роняя прозрачный бисер капли, а воздух наполнялся осенним запахом мокрых ветвей, черных гниющих листьев, плотным ковром лежащих под деревьями.

Белый искристый снег превращался на тротуарах в серую грязную кашу, хлюпающую под ногами, и город снова становился унылым и скучным.

Казалось бы - пустяк, мелочь, ерунда. Обычная борьба рыжей кудрявой Осени, не сдающейся под напором седой суровой Зимы, чьи длинные косы расчесывал холодный ветер. Быть может, это противостояние затянулось немного дольше обычного, что в том такого? Стоит ли эта поздняя капель пристального внимания самого Короля? Наверное, нет, подумает любой. Есть дела поважнее, чем слякоть на улицах столицы.

И все было бы так, если бы не одно «но»: каждую ночь Большие Королевские Часы на самой высокой башне, часы,

которым было без малого пять сотен лет, часы, которые были точны и служили королевству верой и правдой, никогда не ломаясь и не требуя особой заботы, отставали ровно на пять минут.

Пели петухи, возвещая рассвет, гремели медными звонками будильники у министров и главных волшебников, и лишь потом, словно разбуженные звонкими трелями часов, слившимися воедино, начинали бить Большие Часы, чуть хрипловато и капельку поспешно.

Над академией Алмазного Сердца зима как будто попыталась закрепиться. На крышах учебных зданий лежали, не тая, пышные шапки снега, лес вокруг академии тоже утопал в снегах, голые деревья тянули черные ветви к хмурому небу. По ночам бураны пели свои таинственные песни, выстуживая воду в озере у лесной опушки, покрывая ее тонкой корочкой прозрачного льда. Казалось, что магистр Аргент каким-то непостижимым образом договорился с капризной погодой, и Осень отступила от его владений, побежденная его магией, отогнанная от стен академии его черным узким мечом.

Этой зимой Аргент просыпался раньше Уны, и каждый рассвет он встречал на балконе, прислушиваясь к далеким звукам просыпающегося города. Он терпеливо ждал, продрогнув от осенней липкой сырости, поглядывая на циферблат своих карманных часов, которые носил на длинной серебряной цепочке, и каждый раз Королевские Часы где-то

вдалеке начинали бить, опаздывая ровно на пять минут, как только секундная стрелка касалась цифры двенадцать.

Аргент лишь качал черноволосой головой, пряча часы в карман. Брови его сходились на переносье, в синих глазах светилась тревога, еще более глубокая и сильная, и Уна, прячущаяся под теплым одеялом, наблюдающая за магистром, очень захотела поцелуями разгладить морщину, залегшую на его гладком лбу, стереть лаской тень тяжелой заботы, отражающейся в его глазах.

- Снова? - тихонько спросила она, едва только Аргент из слякотного серого утра вернулся в уютное тепло комнаты и закрыл за собой створки застекленных дверей, отрезая холодный поток воздуха, льющийся через перила на балкон и дальше, в жарко натопленную комнату.

- Да, - ответил Аргент тревожно и снова покачал головой.
- Это очень, очень нехороший знак.

Уна уже знала, почему.

Теперь она понимала, отчего когда-то давно отец так разочлился, когда они с братьями тронули семейные часы. Вероятно, их необдуманый поступок и послужил причиной несчастий, постигших семью. Часы, служившие семье из века в век, не просто отмеряли минуты, секунды и часы - они вели строгий учет жизни семьи. Все должно было происходить в свой срок и час.

Припомнив об этом, Уна горестно вздохнула, жалея отца и братьев, которые поплатились сильнее нее. Но если бы не

это, встретила бы она Аргента? Нет, наверное. За все надо платить; и, теряя что-то одно, всегда обретаешь что-то другое. Ее цена была таковой...

Королевские часы отмеряли время всему королевству. И каждую ночь кто-то словно останавливал привычное течение жизни на целых пять минут. Оттого-то осень все никак не могла уйти... Интересно, кто управлял часами? И что он хотел выгадать для себя, отнимая время всего королевства?

- Его Величество Алый Король прибудет сегодня в академию, - произнес Аргент, жестом руки подзывая свою алмазную броню. Она черной блестящей змеей скользнула по полу, обвила его тело, маленькими пластинками укладываясь привычно на грудь, складываясь черными перчатками на длинных чутких пальцах магистра. Привычным жестом он оправил острые лепестки воротника, отбросил складки алмазного, сухо шелестящего плаща, и воздух вокруг его черноволосой головы наполнился сверкающими черными звездами мелкой алмазной крошки.

Потягиваясь, как живая, из угла черной тенью выступила пантера магистра, магическое существо, собранное из брони. Когти ее цокали по полу, она разевала алую пасть, скалила блестящие клыки, и ее рычание здорово походило на слова «Король, король».

Услышав это, Уна наострила ушки, выглянула из теплой постели.

- Демьен приедет? - весело выкрикнула она. В памяти

ее встал ее друг, упрямый и ершистый ясноглазый принц с ослепительной улыбкой, от которой к его ногам падали де-вушки, словно птички, загипнотизированные коварной зме-ей. Давно, давно Уна не видела того, кого сейчас называют Алым Королем. Его появление сулило только одно: очеред-ную загадку и увлекательнейшую и опасную игру в шахматы, которые Демьен так любил. Только фигурками были живые люди, их Алый Король передвигал по большой доске жизни. Впрочем, куда же еще идти Демьену за помощью, как не в свою Академию, туда, где учатся самые лучшие и самые вер-ные его агенты? Те, кто клялся любить своего Короля более всего на свете и служить ему до последнего своего вздоха?

Уна, откинув одеяло, поспешила выбраться из своего уют-ного убежища. Босыми ногами пробежала она по холодному полу, обняла Аргента за плечи, привычно провела ладонями по его сияющей броне.

Она любила зловещий костюм темного магистра, и не только за то, что он был невероятно красив и богат. Погла-живая мелкую, солено змеиную, алмазную чешую, Уна каж-дый раз убеждалась, что в ней нет ни зазора, ни пустого ме-ста, уязвимого для оружия противника. Аргент был неуяз-вим - вот за что она любила его черные алмазы.

- И Его Высочество Белый Принц, - заметил Аргент, внимательно поглаживая на Уну, любующуюся затейливыми узорами на его груди. - Дерек.

В его красивых синих глазах на миг мелькнула жгучая

ревность, и Уна с веселым смехом обняла его за шею, прижалась губами к его крепко сжатым губам.

- Не ревнуй, - шепнула девушка, глядя в его красивое, но суровое лицо сияющим глазами, чувствуя, как Аргент обнимает ее - нехотя, желая показать ей свою отстраненность и холодность, но все же не в силах с собой справиться и поддавшись искушению коснуться ее горячего тела. - Это лишь друг; хороший, добрый, самый лучший - но друг. А люблю я лишь тебя, мой темный магистр! И всегда любить буду, сколько бы времени не прошло.

В синих глазах Аргента мелькнуло теплое, живо чувство, и Уна крепко-крепко прижалась щекой к его груди, замирая от ощущения невероятного счастья, нахлынувшего на нее.

- Только не вздумай, - шепнул Аргент, обнимая девушку и целуя ее в лохматую макушку, - называть Его Величество Демьеном и прыгать ему на шею. Он теперь Король; и он очень изменился. Стал старше, сдержаннее... мудрее.

Уна, уткнувшись Аргенту в грудь, звонко рассмеялась, содрогааясь всем телом.

- Демьен повзрослел? - переспросила она. - Да все королевство видело, как он летом летал над городом и гонял голубей!

- И все же, - настойчиво повторил Аргент. - Именно он первым понял, что что-то не так. Он увидел, что часы отстают. Он заботится о королевстве. Драконам время только на пользу, правда вот вырастут они долго... Но и помнят все,

что с ними происходило, тоже долго... Очень...

- Что может помнить Демьен за свои двадцать лет беззаботной жизни?

Аргент смолчал, лишь очень красноречиво глянул на Уну, вежливо приподняв брови. На его спокойном малоподвижном лице каким-то непостижимым образом отражалось все то, что он хотел сказать, яркие воспоминания нахлынули на Уну, и она зябко передернула плечами, вспоминая нечисть покойного Безумного Короля и Корнелии.

- Это, - произнес Аргент веско, - он не забудет никогда. Некромагов. Он победил их, - напомнил Аргент, многозначительно качнув головой. - Он вытравил всю мертвую мерзость из королевства... но мир велик. На сладкий кусок пирога всегда найдется жаждущий рот. А наше королевство - очень сладкий пирог.

С лица Уны тотчас сползла улыбка, румянец на ее щеках поблек, и она испуганно ахнула.

- Что? - еле смогла вымолвить она. - Что?!

Аргент пожал плечами; как обычно, он промолчал, но все его мысли выписались на его лице, в выражении его глаз, в его взгляде, который он как бы невзначай кинул на свой стол, по обыкновению заваленный книгами и старинными рукописями.

Уна, шлепая босыми ногами по полу, подхватив полы своей длинной ночной сорочки, подбежала к его столу. С ногами взобравшись в кресло магистра, она придвинула к себе

книгу, которую Аргент до этого листал, глазами пробежала строчки, повествующие о каких-то темных временах...

- Что это? О чем это? - тревожно спросила она, и Аргент с неохотой подошел ближе, указал пальцем, обтянутым в черную алмазную перчатку, на нужное место в книге.

- Это то, - веско произнес он, - о чем хочет поговорить Его Величество. То, что он заметил, что сумел распознать. Похитители Времени. Старая-старая легенда, почти сказка. В нее почти никто уже не верит - как в свое время не верили в некромагов. Все думают, что Похитители Времени - просто забавные чудачки. Кто-то крал магию, кто-то - золото, а вот они, эти странные маги - время у людей. Потерянные минутки, секунды, которые кто-то не желал томиться в мучительном ожидании. Когда-то давно у них была своя часовая мастерская, всем там заправлял Главный Часовщик. Туда люди приходили затем, чтобы отдать ненужное время - или приобрести пару-другую часов.

- Пару часов? - воскликнула Уна. - Но это же так много!.. Где они набирали столько?! Держу пари, Демьен много отдал бы за эту лишнюю пару часов с... Алым Королем...

Ее голос дрогнул от пролившейся в него боли, и Аргент кивнул:

- Ты верно заметила. Многие хотели приобрести лишнее время. Та же Золушка с удовольствием протанцевала бы на балу еще часов пять, а потом спокойно уехала бы, подробно рассказав принцу, где ее искать. А возможно, наговорившись

и открыв всю правду о себе, она вообще никуда не поехала бы, а тотчас обвенчалась бы с принцем в дворцовой часовне, ведь им всего-то ничего не хватило, чтобы осмелиться открыться друг другу, сказать правду.

- Какой редкий и дорогой товар - время! - воскликнула Уна, пряча под себя озябшие ножки.

- О да, - протянул Аргент. - Да.

- Но где же они брали столько свободных минут?

- Их продавали те, кто хотел избавиться от томительного ожидания, - ответил Аргент. - Кто-то ожидал прихода завтра, потому что завтра был их день рождения, с подарками и шумным праздником. Кто-то страдал, ожидая ответа любимой. Кто-то жаждал поскорее узнать о зачислении в академию, - Аргент многозначительно приподнял брови, - и продавал целую ночь. Укорачивая свою жизнь, вырезая из нее целые куски. Часовщики скупали время за бесценок, а вот продавали его втридорога. Добавлять и отнимать его умели только они... До сих пор никто не знает, как им удавалось это делать.

- И даже ты?

- И даже я, - согласился Аргент, отыскивая теплые меховые тапки Уны и ставя их поближе к пылающему огню, чтобы как следует нагреть их.

- А что случилось потом? - нетерпеливо произнесла девушка.

- А потом, - с легким вздохом произнес Аргент, - случи-

лось то, что случается со всеми, кто живет обычной жизнью. У главного Похитителя, Часовщика, у магистра Времени, заболела маленькая дочка. И лучшие в королевстве доктора пытались вылечить ее, он ведь мог позволить себе лучшего врача, но все без толку. Некоторые вещи не изменить; так легли карты, так звезды захотели. Малышка угасала; смерть уже приходила к ней по ночам и отчитывала последние часы ее короткой жизни. И тогда безутешный Часовщик весь свой товар решил отдать своей дочке. Весь-весь, все, что сумел собрать. Он честно откупился от Похитителей Времени; он отдал все, продал все свое золото в слитках, все драгоценные камни. Себе оставил лишь крохотный домик с садом и розами - знаешь, их любили Белоснежка и Алоцветик, - и еще заказал прочный стеклянный купол. Там, в этом домике под куполом, он поселился, там запер свою умирающую малышку, и ей отдал, влил все время, что сумел собрать. Все, до секунды.

Но нельзя оживить то, что мертво. Нельзя. Безутешный безумец не мог этого не знать. Но он так привык получать то, что хочется... Он не умел терпеть, не умел страдать, не мог смириться. Он был талантливым, искусным мастером, но не был мудрым человеком.

- Терять близких - это очень больно! - воскликнула Уна.
- Очень, - согласился Аргент. Он поднял меховые тапки, нагретые огнем камина, поднес их Уне и сам надел на ее холодные ножки. - Но таков закон природы. Отдав время уми-

рающему ребенку, Часовщик не подумал о том, что, по сути, выливает его в никуда. Жизнь малютки продолжилась под стеклянным куполом, но она не росла, не становилась сначала подростком, затем девушкой... вечный ребенок, чей последний день длится бесконечно. Часовщик прожил прекрасную жизнь, радуясь каждому мигу, проведенному с дочерью. И когда пришел его час, он просто умер. Исчез, унес с собой секрет своего искусства. Или не исчез?.. Или не исчезло его великое мастерство, его искусство, его талант - управлять временем?

Аргент нетерпеливо стряхнул с руки алмазную перчатку, рассыпавшуюся драгоценными камнями по страницам древней книги, и мучительно потер переносицу. Жаркое пламя, пылающее в камине, играло ослепительными бликами в каждом камешке его брони, делая его похожим на возрождающегося феникса.

- И что же? - нетерпеливо спросила Уна. Аргент поморщился, неопределенно пожав плечами.

- Кто, - страшно и четко произнес он, - вышел из умирающей девочки, напоенной чужим временем? Что за существо создал убитый горем Часовщик? Оно ведь живо; отец влил в него много, очень много времени. Вечный младенец, не знающий жизни... Оно не знало болезни и смерти, оно не хотело бы раствориться в небытии! Отец соткал ее жизнь из одних только ярких и прекрасных моментов, избаловал сверх ме-

ры, создав эгоистичный разум, привыкший получать то, что хочет - всегда. Оставшись одна, напуганная, растерянная, на что она готова, чтобы продлить свою беззаботную жизнь?

- Ты думаешь, - медленно произнесла Уна, - это она... она крадет время у Королевских Часов?

- Притом насильно, без разрешения, - подтвердил Аргент.
- Не покупая его, как это делали Похитители, у беспечных людей, которым времени слишком много, а просто берет, вырезает столько, сколько может.

- Но жалкие пять минут, - заметила Уна. - Много ли наберешь...

- У тебя пять минут, - перебил ее Аргент. - У меня пять минут. У всего королевства, у каждого человека по пять минут. Мало это? Или много?

Глаза Уны округлились, она удивленно охнула.

- И ведь зачем- то это время кому-то понадобилось, - задумчиво произнес Аргент. - Много, очень много времени!

Глава 2. Молодой Король

Поразмышлять над странной загадкой, которую озвучил магистр Аргент, Уне не удалось. Занятий никто не отменял; ее голова весь день была занята уроками и заданиями преподавателей, но все же мысли о Похитителях Времени и маленькой девочке, запертой под крепким стеклянным куполом, всплывали лишь иногда, редкими яркими вспышками.

«Кто вышел, кто получился из умирающего ребенка, напоенного бесконечно огромным количеством времени?..»

Книгу, в которой была записана грустная легенда про дочку Часовщика, Аргент почему-то спрятал. Уна хотела еще полистать ее старые пожелтевшие страницы, поискать ответы на мучающие ее вопросы, пробежать глазами мелкую вязь букв, но читать было нечего. Стол Аргента был пуст, и в шкафах - как бы Уна не старалась, - книги она не нашла. Странно... Забрал с собой? Самого Аргента Уна тоже не видела с самого утра. Он куда-то спешно отправился, хотя сам сказал, что ожидает Короля. Успеет ли вернуться до приезда Демьена? И что это за таинственные дела такие, что их нельзя отложить даже ради приезда Короля?..

Уне было даже немного жаль бедняжку из легенды. Ее разум не сразу смог принять тот факт, что несчастное дитя, оставшееся одно, без любящих родителей, не прожившее жизнь и не познавшее все ее радости, стало вдруг ужасным

монстром. Воображение девушки раз за разом рисовало отчаявшуюся, одинокую и напуганную малышку. Разве может она нести беду и горе?

И почему малышка? Почему она не выросла, не повзрослела? Отчего украденное время не дало ей возможности стать старше, мудрее? Неужто ее разум, подобно ее телу, запертому под стеклянным куполом, навсегда закрыт для возможности научиться чему-то? Неужто девочка навсегда застряла в том времени, когда детей не интересует ничего кроме сахарной розовой ваты и ярких игрушек? Так разве бывает?

- Король, Король едет!

Уна, задремавшая над учебником, встрепенулась, распахнула изумленные глаза и прислушалась. Академия гудела от топота ног, от гомона голосов, от смеха студентов. Казалось, каждая ступенька на лестнице, ведущей в холл, стонала и скрипела, с трудом выдерживая многочисленные шаги спешащих навстречу с Алым Королем.

Не так часто их школу навещает сам Король - тем более тот, с которым они сами когда-то учились бок о бок и в чьих проделках участвовали! Старого знакомого хотели увидеть многие - и тем более девушки, которые когда-то тайком вздыхали по красивому принцу, который умел привлечь к себе не только своим обаянием, но и дерзкой смелостью.

Уна, подскочив с уютного кресла, в котором задремала, кинулась к окну, распахнула его - в лицо ей дохнуло обжи-

гающее дыхание морозной зимы, а в звенящем прозрачном воздухе, переливаясь серебряными трелями, слышался звон колокольчиков на сбруе королевских лошадей.

- Демьен! - весело выкрикнула Уна, рассмеявшись. Несмотря на обещание, данное Аргенту, она не смогла назвать его, Алого Короля, как-то иначе. - Демьен!

Блестящая процессия уже показалась на дороге из-за заснеженного поворота. Лаяли охотничьи псы, ржали кони; из их красных ноздрей валил пар, колокольцы на их сбруях все громче звенели, наполняя воздух мелодичными трелями, песнями наступающей зимы, будоража воображение. Грозные боевые техномаги и маги всех мастей сопровождали Алого Короля; это их чары возвращали привычный ход времени - унылая мокрая серая осень была изгнана, и ветреным, вьюжным плащом за королевской процессией летела сверкающая серебром зима, укрывая землю блестящим белым снегом и сковывая землю морозом. А сам молодой красавец-король, яркий, статный, громкоголосый, на черном горячем коне неся впереди всех, понукая своего скакуна. Его черные длинные волосы стлались по ветру блестящим шелком, королевский венец сиял в свете яркого зимнего солнца, натертый морозом до блеска. Красоты, молодости, силы и огня Демьена хватило на то, чтобы затмить всех и каждого в его свите, невозможно было выделить кого-то взглядом, а его не заметить, игнорировать. Казалось, даже лютая стужа, обняв его плечи, оживает и затихает, влюбленная в него, и

зима становилась теплее и прекраснее. Даже Дерек, следующий за своим братом-королем, как-то потерялся, потускнел. Быть может, в этом виновата его одежда, пошитая из светлых, белых и жемчужно-серых тканей, а быть может огонь, что горел в крови Демьена, заставлял его сиять ярче - кто знает.

«Дракон входит в силу», - подумала Уна, вглядываясь в черты Демьена. Издалека ей казалось, что в его лице теперь угадывается что-то опасное, острое, нечеловеческое, и что светлые, ясные глаза его то и дело вспыхивают горячим, обжигающим золотым светом, который освещал до самого потаенного дна душу каждого, кто посмеет глянуть в лицо Алого Короля.

Став Королем, Демьен понемногу привык к роскошным одеждам. Шелка и бархат уже не стесняли его как раньше, богатые куртки и камзолы только подчеркивали его стать, манжеты рукавов его батистовых рубашек были украшены взбитой пеной тонких кружев, и черные волосы, ранее безжалостно обрезанные, он теперь отрастил. Уна даже замерла, затаив дыхание, залюбовавшись молодым королем, когда Демьен, осадив разгоряченного коня, соскочил на мостящую двор перед академией брусчатку, замечая длинным роскошным плащом свежевывающий снег, и громко рассмеялся, празднуя победу, поглаживая своего скакуна, успокаивая его после долгой скачки. Следом за ним во дворе появился Дерек; судя по его досаде - он яростно стегнул стеком воздух,

мотнул увенчанной тонким золотым обручем светловолосой головой, - они с Демьеном состязались, и Дерек проиграл, уступил королю.

- Я лучший наездник! - выкрикнул Демьен озорно - и расхохотался, явно дразнясь.

- Это просто у тебя лошадь лучше, - парировал Дерек. - Все знают, что Бурелом - самый быстрый конь в королевстве.

- Но и выбирал его тоже я, - коварно произнес Демьен, хитро щурясь. - Я его заметил. Я его купил.

- Ты - Король, - снова парировал Дерек. - У тебя неоспоримое право первого выбора. Иначе бы его взял я.

- Хорошо быть королем, - озорно заметил Демьен и снова расхохотался.

- Демье-ен! Дерек! - крикнула Уна, высунувшись чуть не по пояс из окна. Мороз тронул холодными ладонями ее раскрытую грудь, девушка сжалась, как нахохлившаяся птичка, но ее смех звонкой третьей звучал в холодном воздухе, и молодой Алый Король, обернувшись на зов, улыбнулся такой знакомой, ослепительной улыбкой, пленившей не одну девушку, просяив:

- Уна! - выкрикнул он в ответ.

- Где? - тотчас спросил Дерек, проследив за его взглядом.

Его кроткие голубые глаза глянули в лицо покрасневшей от мороза Уны, на ее яркие рыжие волосы, огненными реками сбегające по плечам и рассыпавшиеся блестящими прядями по черному дереву подоконника, чуть присыпанны-

му колкими снежинками, и на его лице мелькнуло теплое, нежное чувство. На миг девушке даже почудилась печаль в его взгляде, Дерек мигнул, словно скрывая набежавшую слезу, но в следующий миг все это - тоска, нежность, печаль, - исчезло, словно и не было.

Все это, все свои чувства к Уне он принес в жертву Вседвери, за ней оставил свою любовь... или нет?

- Уна!

Оставив своего коня подоспевшим конюхам, стряхнув снег с плеч, Демьен стащил с рук перчатки, прикрыл ладонью глаза от слепящего солнца.

- Как же мы давно не виделись, дочь огненного мага!

**

- Не так уж и давно, Ваше Величество, - раздался откуда-то сбоку голос. - Всего лишь пару лет?

Как, когда и откуда он появился - никто не заметил, не понял, да только когда оба, и Демьен, и Дерек, перевели взгляд с Уны на говорящего, они увидели Аргента, стоящего на ступенях, ведущих к дверям академии. Темный магистр стоял на выбеленной свежим снегом лестничной площадке, запахнувшись в свой долгий драгоценный плащ, благожелательно улыбаясь, и Демьен, вспыхнув радостью, поспешил к нему, перепрыгивая сразу через две-три ступеньки.

- Магистр Аргент! - произнес он, пожимая протянутую ему руку, сверкающую черной алмазной броней. - Рад вас видеть! Вы ведь нашли ответ на ту загадку, что я вам зага-

дал?

- Непременно, Ваше Величество, - важно ответил Аргент.
- Непременно!

В кабинете Аргента стало тесно; принц и Король сбросили свои подбитые мехом плащи и перчатки прямо на диван, на котором Уна обычно любимо сидеть и пролистывать книги, и устроились в предложенных хозяином академии креслах. Верные королевские псы забрались под стол магистра, а огромный мраморный дог нахально разлегся на мягком ковре прямо перед камином, дрожа всей шкурой, отогреваясь после жестокой стужи.

Уна сама принесла несколько бокалов и налила подогретого красного вина и Аргенту, и Демьену с Дерекком. Ее губы тронула улыбка, когда она смотрела, как Король, задумчиво потирая переносицу и пролистывая страницы толстой тетради в сафьяновой обложке, пригубил бокал с вином. Подумать только, Демьен в присутствии Аргента смеет пить вино! Раньше магистр за это открутил бы голову своему студенту, будь тот хоть трижды принц. Однако времена изменились...

- Странно это все, - подвел, наконец, итог Демьен, прочтя записи Аргента. Магистр не поленился - выписал своим красивым, ровным почерком все, что касалось Часовщика и Похитителей Времени в эту тетрадь, чтобы Королю не пришлось склоняться над пыльной старой книгой с лупой, рассматривая и угадывая полустертые буквы. - Зачем им время?

Девчонке отдать? Но она итак получила *слишком много*, - Король сделал многозначительную паузу, и Уна, прислушивающаяся к разговору, поняла, что, вероятно, Демьен и сам пытался разгадать эту загадку - и решил ее, нашел в королевской библиотеке точно такую же книгу, коль скоро знает о печальной истории дочери часовщика так много.

Аргент, пригубив свой бокал, задумчиво потер подбородок.

- Это самое трудное, Ваше Величество, - после непродолжительного молчания произнес, наконец, он, - понять, зачем все это им нужно. Чего недоброжелатели хотят, что они рассчитывают получить в конечном итоге. Кто их цель.

- Вероятно, - небрежно заметил Демьен, откинувшись на спинку кресла и вытягивая ноги поближе к огню, - нам стоит подкараулить Похитителя в башне с часами?

Аргент недовольно поморщился, качнул черноволосой головой.

- Нет-нет-нет, - поспешно ответил он, - это может быть опасно, очень опасно!

- Думаешь, - медленно произнес Демьен, заглядывая в сапфирово-синие глаза магистра, - опасность угрожает именно мне?

Аргент вскинул голову и долго-долго, внимательно, пристально посмотрел в ясные глаза Короля.

- А разве нет? - вкрадчиво спросил темный магистр, многозначительно приподняв брови. - Разве нет?..

Демьен вдруг стушевался; на его дерзком молодом лице промелькнула растерянность, густо замешанная на беспомощности - чувстве, в котором гордец-Король никогда и никому не признался бы, - и он неловко закашлялся, потупив взгляд.

- Я чего-то не знаю? - очень спокойно произнес Дерек, поставив свой бокал на стол. - То есть, магистру ты сказал, а мне - ни слова?

- Я не говорил магистру, - огрызнулся Демьен, кое-как справляясь с волнением. - И откуда он знает - это вопрос!

- У меня свои секреты, - посмеиваясь, ответил Аргент. - Магистр я или нет?! Итак, Ваше Величество. Во-первых, нам надо условиться о нескольких вещах. Тайный знак, - Аргент изящным жестом руки указал на Уну. - Я не знаю, каким образом, но наши недоброжелатели могут подслушивать самые важные разговоры. Подсылать шпионов. Именно поэтому я настоял, чтобы при этом разговоре присутствовали только те люди, которым вы можете доверять. Я, Его Высочество и Уна. Но в нашем мире все возможно; кто-то *может притвориться* Его Высочеством. Уной. Мной. Принять любой облик, чтоб подобраться к вам. Поэтому неплохо было бы придумать слово, которое было бы паролем и показывало бы вам, что говорите вы именно с союзником, а не со шпионом, если вдруг вам покажется, что кто-то из вашего ближайшего окружения ведет себя странно.

- А сейчас, - вкрадчиво поинтересовался Демьен, - ты уве-

рен, что это Уна, а не шпион?

- Она смотрит на вас, Ваше Величество, и смеется, - ответил Аргент, пригубив вино. В уголках его глаз собрались смешливые морщинки. - Особенно когда вы пьете. Она знает, что своим студентам я бы этого не простил... а своему Королю вынужден позволять.

- Притвориться мной?! - удивленно воскликнула Уна, вслушиваясь в разговор мужчин. - Что за гоблин прыщавый осмелится так напудриться?!

Дерек рассмеялся; это ругательство ему было знакомо давно, детьми они частенько поминали с Уной и гоблинов, и орков, и прочих тварей, живущих в потаенных местах и в коварной злой темноте.

- Как вариант, - согласился Аргент. - Отличный пароль. Прыщавый гоблин напудренный... хм... согласитесь, немного людей отважится сказать это своему Королю, который спросит, как он выглядит, например? И не испачкано ли его лицо?

- О, я уже жду ситуации, когда это скажешь мне ты! - расхохотался Демьен. - Хорошо, пусть так. Дальше что?

- Далее я жёстко требую, - в голосе Аргента прорезались металлические ноты, - чтобы вы безоговорочно подчинялись мне во всем, что касается защиты. Безоговорочное доверие и подчинение. Может, вы Король и дракон; но я - техномаг, магистр. Я опытнее вас. Я могу вас защитить не столько магией и силой, сколько силой своего ума.

- Хорошо, - легко согласился Демьен, вальяжно развалившись на кресле и закинув ногу на ногу, - только поклянись, что не предашь и не подведешь.

Аргент промолчал; только крылья его тонкого носа гневно вздрогнули и синие глаза сверкнули острым, горячим чувством.

- Я уже клялся, - четко произнес он, - что всю свою жизнь, целую вечность буду служить Алому Королю! И сейчас я повторяю эту клятву. Думаю, и другие, - он по очереди оглядел притихшую Уну и молчаливого Дерека, - тотчас поклянутся в этом же.

- Отлично, - произнес Демьен. В его глазах заплескалось раскаленное золото, зрачок узкой полоской дрогнул на миг. Он смотрел на магистра так пронизательно, так внимательно, словно хотел заглянуть в самую его душу, и тайна, некое знание словно истекало из его глаз и проникала с синие глаза Аргента. - Я верю тебе. Верю. Ведь если сможешь предать ты, то и самому себе верить будет почти нельзя!

- Итак, - продолжил Аргент; пусть за его столом сидел Король, но магистр чувствовал себя главным в сегодняшнем тайном разговоре. - Когда мы покончили с формальностями, можно ли перейти к самому главному? Что с вами происходит с тех самых пор, как негодяи начали воровать время прямо с башни наших главных королевских часов?

Демьен потупил взор; молодой король, красивый и силь-

ный, разодетый в яркий черный бархат, расшитый жемчугами, с королевской короной на голове, он стеснялся рассказать тайну, что хранил уже долгое время.

- Ну-у, Ваше Величество? - настойчиво повторил Аргент, глядя на Демьена внимательно и строго.

- Я вижу Виолетту каждую ночь, - выдохнул Демьен наконец. - Я ее вижу. Такой, какой помню. Я могу точно сказать, какого цвета ее глаза, как она заплетает волосы, какие цветы вышиты на ее корсаже и сколько родинок на ее спине.

- Ах, даже родинки на спине, - деликатно заметил Дерек с самым невинным видом, и Демьен покраснел.

- Я люблю ее, - с силой ответил он, глянув на принца сверкающими гневными глазами. - Люблю.

Глава 3. Королевские сны

Демьен прекрасно знал, что такое наведенные сны. Он и сам был мастак их наводить; и они не всегда были безобидны - Уна и Дерек, например, могли рассказать, что однажды юный озорной принц пригласил их во сне поучаствовать в его сексуальной фантазии, и она была более чем откровенна и реалистична. Теперь в подобные сны увлекали его самого - словно бледные русалочьи руки в темную воду утаскивают неосторожного путника, склонившегося над тихим лесным озером. Ничего дурного с молодым Королем в этих снах не происходило; даже напротив - эти свидания ему очень нравились, но...

Но в его снах было две проблемы.

Во-первых, навести сны на кого угодно легко, но на Короля?! Охраняемого могущественными магами всей страны? Сделать это мог только очень, очень сильный маг, сильнее всякого в королевстве - ведь Демьен и сам защищался от странных, мучающих его ночами видений. А сны приходили снова и снова, рвались сквозь все возможные защиты и барьеры, и Демьен снова и снова оказывался в сумеречном мире, куда его настойчиво звали, и где он уже рад был очутиться.

Второе обстоятельство, которое его пугало - сны слались именно Королю; прицельно, настойчиво. Та, что призывала

Демьена разделить с ним несколько магических минут, точно знала, кто является на ее зов. В каждом из этих снов Демьен неизменно видел себя с короной на голове, и в тусклом предрассветном свете камни на его тяжелом золотом венце вспыхивали кроваво-красными каплями.

- Она не видела меня случайно в толпе, не на празднике и не в академии, где я был просто одним из студентов, - горячо заверил Демьен. - Это не просто призыв понравившемуся мужчине. Не просто шалость - авось, повезет?! Она точно знает, кто я.

- А знала только Виолетта, - уточнил Аргент, постукивая пальцем по столешне. - Вы ей сказали, что вы - принц. Не считая девиц из нашей академии, которые имели счастье учиться с вами вместе, и которые видели вас в лицо и точно знали, как выглядит наследный принц, только ваша Виолетта знала, что вы - Алый Принц. Но среди выпускниц академии нет магесс такого уровня, чтобы сломать все защиты, включая Слово Короля Драконов... или вы не произносите его?

- Произношу, - ответил Демьен твердо, глядя светлыми глазами прямо в лицо Аргента. - Каждый вечер я произношу Слово. И каждую ночь она минует его.

Аргент задумчиво потер виски, помолчал немного.

- Так-так, - протянул он. - И началось это ровно тогда, когда часы стали отставать на пять минут?

Демьен кивнул.

- Это не может быть совпадением, - заметил Аргент. - А

вы уверены, что это Виолетта? Когда я видел ее, она не показалась мне опасной. Если честно, то я подумал, что она вообще лишена магического дара.

- Так и есть, - ответил Демьен. - Так и есть.

- И сейчас, - продолжил Аргент, не обращая внимания на то, что его слова мучают молодого Короля, заставляя в сотый раз переживать потерю, - вы говорите мне, что не имеющая магических способностей девушка завлекает вас в свои сны?

- Самая сильная магия, - подал голос Дерек, - это любовь. Как говорят.

Три пары глаз уставились на Белого Принца, который с невозмутимым видом рассматривал свои ногти, словно не видел в мире ничего любопытнее.

- Ну что?! - произнес он, когда молчание затянулось и стало ясно, что все ждут, чтоб он пояснил, что имел в виду. - Мало ли примеров, когда, казалось бы, ничто уже не поможет, но все решает поцелуй любви?!

Аргент недовольно поморщился, поняв, что Принц не собирается выдавать своих истинных мыслей и стукнул кулаком по столу.

- Ах, какая досада, - пробормотал он, чуть покачивая черноволосой головой и прикрыв сапфирово-синие глаза, - какая же досада, что я потерял свой магический дар!.. Как сложно без него разобраться, почувствовать, что происходит - а происходит что-то очень необычное, господа, может, еще более странное, чем нашествие некромагов! О-о, будь у меня

хоть полшанса, я бы вернул свой дар! Как сейчас нам была бы кстати эта подмога! Но... нет - и этого не исправить. Ладно; посмотрим сегодня, сможет ли эта таинственная незнакомка проникнуть в ваши сны в ночь, когда вы будете находиться под защитой академии. Я позабочусь об этом особо тщательно и отдам на ваш счет кое-какие распоряжения. Вас будут охранять особенно тщательно.

Аргент замолчал, раздраженно барабанил пальцами.

- И все же, - спустя некоторое время произнес он, - я считаю, что вас дурачат, Ваше Величество. Вы ведь разговариваете с этой девицей?

Вопрос был задан отчасти бестактно, Демьен немного покраснел, но все же ответил:

- Ну, разумеется... да... немного.

Аргент удовлетворенно кивнул.

- Отлично, - произнес он. - Так вот я попросил бы Вас, Ваше Величество, уделить этой барышне внимания побольше в плане душевных бесед. Есть одно старое средство, очень простое и очень надежное, чтоб не пускать никого в свои сны. Спросите ее имя.

- Имя? - переспросил сбитый с толку Демьен. - Но я знаю его. Виолетта.

- А если нет? - быстро произнес Аргент. Он и Король обменялись долгими, только им понятными взглядами, словно сговариваясь без слов. - Если не Виолетта? Если это создание лишь *притворилось ею*? Вы обещали слушаться меня, и

вот я говорю вам, что сны ваши небезопасны, их нужно прекратить. Заставьте ее произнести собственное имя вслух. Я знаю - вы умеете сделать так, чтоб собеседник был с вами откровенен. Вас этому учили, наконец, в нашей же академии, и притом очень хорошо. Заставьте ее произнести имя - и у вас будет защита, вы сможете произносить ваше Слово прицельно. И она больше не увлечет вас в эти видения, которые сами по себе - кто знает? - могут убить вас.

Демьен задумчиво потер лоб. По всему было видно, что он смертельно не хочет лишаться этих странных ночных свиданий. Был ли прав магистр, морочила ли ему голову прекрасная незнакомка - ах, как не хотелось Демьену этого выяснять! И как хотелось бы теперь, чтоб она назвала заветное имя; на лице его красноречиво выписалась досада оттого, что самому, своими руками придется разрушить эту волшебную связь, но молодой Король промолчал.

- Я сделаю это, магистр, - произнес Демьен, наконец. - Ради безопасности... всех.

- Это мудрое решение, - сказал Аргент, удовлетворенно кивнув головой. - Вы ведь не просто человек - вы Король. От вас и ваших решений зависит все королевство, так что принести свои чувства в жертву общему благу.

- Тогда вы не оставляете выбора, магистр, - упрямо произнес Демьен. - Мне придется разыскать ее наяву! И помните - я бесконечно доверяю вам. Бесконечно. И во многом полагаюсь на вас. Поэтому очень не хотел бы, чтобы вы ошиба-

лись, магистр Аргент.

- О, за это не беспокойтесь, - беспечно ответил Аргент. - Все мои шаги будут очень осторожны и продуманы до мельчайших подробностей. Я понимаю, какая ответственность ложится на мои плечи.

Каждую ночь, засыпая, Демьен видел одно и то же: заснеженную дорогу, ведущую его в лес.

Место это казалось Королю смутно знакомым, словно он бывал тут наяву, но то ли давно, то ли совсем нечасто, то ли видел это место только летом. Изгибающаяся узкая тропинка меж пышных сугробов, раскачивающиеся над головой заснеженные лапы сосен, и тонкий звон колокольчиков на сбруе его коня... Ощущая зимний холод, проникающий под королевскую одежду, тяжелый обруч короны, давящий на лоб, Демьен рассмеялся, подняв лицо к хмурому зимнему небу, готовому просыпаться на него снежной метелью.

Он узнал этот сон, повторяющийся раз за разом; в том, что это был сон, Демьен даже не сомневался. Как бы он ни старался, а разглядеть себя он не мог. Он подносил к лицу руку, но перстни на ней казались ему неясными, смазанными разноцветными бликами. Белизна кожи, взбитая пена кружев - все тонуло в надвигающихся сумерках. Куртка, пошитая на манер охотничьей, была наощупь бархатной, но цвет ее был неразличим, и казался то черным, то темно-зеленым, то коричневым, а массивная золотая цепь перечеркивала грудь

Короля светлым неясным и бледным, словно лунным, лучом.

- Ничего-то у вас не вышло, магистр Аргент, - пробормотал он, посмеиваясь и натягивая поводья. - И особая ваша охрана не справилась! Как знать, может, Дерек прав?.. - Конь его вздрагивал, недовольно фыркал, чуя приближения метели, прыдал ушами, и Демьен уверенно направил его на тропинку, скрывающуюся в полумраке меж притихших деревьев. - Н-но, пошел! Нужно успеть до метели!

На миг в голове Демьена промелькнула шальная мысль, что все защиты не помогают потому, что он сам тянется во снах к зовущей его девушке, своей королевской рукой отстраняя всех магов, укрощая всех колдунов и сам прорываясь к темному заснеженному лесу, где его ожидает нечаянно случившееся с ним счастье.

Мчась сквозь призрачный темный лес, дышащий влажным, снежным воздухом, подставляя лицо теплову ветру, который еще не превратился в нещадный ледяной, Демьен смеялся, ощущая себя счастливым. Вязь черных мокрых ветвей перечеркивала небо, чаща становилась все темнее и гуще, и сердце молодого Короля замирало от предвкушения, когда меж выбеленных снегом елей ему мерещился приветливый огонек.

Однако, идиллия нарушилась внезапным грубым вторжением; тишину призрачного леса, которую до сих пор расцвечивали только трели колокольчиков на сбруе его коня, внезапно разорвали крики, шумный топот копыт, и Демьен,

оглянувшись, понял, что за ним погоня.

Кто за ним гнался - он не видел, но громкие голоса, раздающиеся позади, окликали, звали его по имени, и он понял, что защита, обещанная Аргентом, все же сработала. Если они догонят его, то сну конец. Растает зимний лес и тропинка, ведущая его к любимой девушке, растает в памяти, быть может, навсегда.

- Ах, хитрец, - пробормотал Демьен, еще раз оглянувшись. Ветер развеивал полы его плаща, как крылья черной птицы, стремительно улетающей, уносящейся от погони, тербил волосы. Ну уж нет, так мы не договаривались! Я должен узнать ее имя! Я должен сам разгадать эту загадку!

Сказал - и сам ахнул. Забыл! Напрочь забыл наставления магистра! И если б не его посланные вослед Демьену чары, ни за что не вспомнил бы.

- Ну-ка, - Демьен уверенно направил коня с тропинки в сугроб, под большой елью, и пласт снега, обрушившийся на его плечи, скрыл его следы от погони.

- Если я тоже управляю этим сном, - шепнул Демьен, склонившись к шее коня и наблюдая, как темная погоня проходит стороной, - то сейчас мы это выясним.

Кажется, Демьен был прав; это именно его чары мешали его защитникам укрыть его сны от вторжения. Погоня, посланная Аргентом, пронеслась мимо и исчезла в темноте леса, и Демьен снова засмеялся, понукая коня, заставляя его выбраться из-под ели, под которой они прятались, пережи-

дая преследователей.

- Ну, конечно, сам, - протянул Демьен, отряхивая плечи и вслушиваясь в звуки побеспокоенного леса. Шумел ветер в ветвях, переговаривались встревоженные птицы, поскрипывали раскачивающиеся стволы сосен. - Я сам рушу все защиты.

Это одновременно привело его в восторг, заставив почувствовать себя самым сильным магом в королевстве, но и задуматься - тоже.

- Ах, как это хитро, - пробормотал он, без труда отыскивая нужную ему тропинку, словно приглашающую молодого Короля ехать дальше, в приветливую темноту леса, - заставить меня самого отвергать всяческую защиту! Как хитро...

Однако, все эти без сомнения умные слова и предостережения растаяли, как сосулька на ярком солнце, стоило Демьену проехать еще совсем немного и увидеть знакомое крохотное оконце, затянутое изнутри серебряными пышными узорами. За замерзшим стеклом горел приветливый золотой свет, колыхались тени, и Демьен, позабыв обо всем, сгорая от нетерпения, спрыгнул с седла в снег, бросил поводья и толкнул маленькую дверь, впору только гномам, наверное.

- Ты пришел, мой Король.

Глаза у девушки были темные-темные, как переспевшие вишни, каштановые волосы - что шелк, и Демьен любовно провел по ним ладонью, наслаждаясь их гладкостью. В отличие от себя, ее Демьен видел отчетливо - вплоть до бли-

ков света, играющих перламутровыми искрами на раскрытых нежных губах, вплоть до слипшихся от нечаянной слезы темных стрелок ресниц.

Он касается ее щеки, обводит овал ее хорошенького личика, заставляя девушку вспыхнуть стыдливым румянцем и потупить взор. Она всегда смущалась, когда он рассматривал ее так - касаясь самыми кончиками пальцев, наслаждаясь теплом ее живого тела любуясь ее красотой и нетронутой молодостью.

В свете многочисленных золотых свечей, оплывающих прозрачными янтарными слезами, девушка в полупрозрачной белоснежной длинной рубашке сама казалась ярким светящимся видением. Сквозь тонкую ткань видно было ее разогретое розовое тело, острые соски просвечивают темными пуговками, тонкие лучи золотой нитью обрисовывали ее изящный силуэт, вплетались в распущенное гладкое покрывало волос. Избушка ее, походящая на охотничью сторожку, была темна и насквозь пропахла травами, сушащимися по всем углам, пучками висящими под потолком, хвоей, толстым ковром рассыпанной под ногами. И на фоне грубоватых темных стен казалось, что это не человек - фея или сказочный эльф, светлячок, заночевавший в темном бутоне закрытого цветка. И ее хочется любить осторожно, касаясь нежно, чтобы не повредить хрупкое очарование.

- Я думала, - ласково прижимаясь горячей щекой к его холодной ладони, пробормотала она, блаженно закрывая глаза,

- ты не придешь. Я слышала погоню в лесу.

Она порывисто целует его в ладонь, словно предчувствие разлуки все еще витает над ними, и Демьен смеется над ее страхами. Впрочем, он всегда смеется.

- Что погоня, - беспечно ответил он, расстегивая куртку, - если у меня самый быстрый конь в королевстве?

- Но они против того, чтоб мы виделись, - с тоской промолвила девушка, наблюдая, как Демьен раздевается, стаскивая промокшую от растаявшего снега одежду.

- Главное, чтобы мы этого хотели, - промолвил он, ступая к ней и обнимая ее тонкую талию сквозь невесомую нежную ткань, отогреваясь ее теплом. - Иди ко мне.

Каждый раз, касаясь ее тела, прижимаясь к ней, склоняясь над ее лицом и касаясь ее губ, Демьен удивлялся и замирал, стараясь не вспугнуть невероятное чудо - ощущение того, что происходит в первый раз, не теряя свежести, радости обладания. Первое касание, тонкое и несмелое, как скользнувший по глади зеркала шелк; первый поцелуй, головокружительный и сладкий, от которого замирает сердце и дрожит душа, как свет звезд в колодце. Первый трепет, смущение и стыдливость, настойчивость и нетерпение, волнение и накатывающая ослепительной и прекрасной волной страсть, когда слившиеся в поцелуе губы дышат единым дыханием, а для ласкающихся рук нет преград. Тонкая рубашка покидает пылающую огнем кожу, девушка, уложенная в постель, прижатая всем его весом к нагретой у огня медвежьей шку-

ре, блаженно закрывает глаза, а ее острые ногти оставляют красные следы на его напряженных плечах. Пожалуй, одних поцелуев было бы достаточно, Демьен каждый раз хмелел от них, терял голову, целуя еще и еще, чувствуя нежный трепет девичьего тела под собой, ее покорность и свою силу и власть. Однако, она, ласкаясь к Демьену, раскрывала ноги, обнимала его - и вскрикивала, каждый раз вскрикивала, невероятно широко раскрывая темные глаза, когда он нетерпеливо и жадно проникал в ее тело.

За окном пела печальным голосом выюга, швыряя в замерзшее оконце снег, а в домике качались по углам тени, рожденные золотым светом свечей.

- Люби меня, мой Король, - шепчет девушка, и Демьен целует ее губы, проводит по ним языком, заставляя девушку стонать от его страстной ласки.

Ее горячие руки обнимают его, девушка, дрожа, прижимается к нему все плотнее, постанывая от его жадных поцелуев, и два тела, слитые воедино, неспешно двигались в золотом свете свечей. От горячего воздуха, напоенного ароматом трав, кружится голова, и казалось - они устроились на цветущем лугу, в самый разгар лета, под палящим солнцем. Под его ладонями волосы на виске у девушке становятся влажными, он приглаживает тонкие пряди, вслушиваясь в ее нежный голос, осторожно и ласково толкаясь в ее тело.

- Я люблю тебя, - отвечает он, заглушая ее стоны своим поцелуем. - Люблю, мое зимнее чудо...

Внезапный порыв холодного ветра, трогая тонкие лепестки пламени и расплетая их на дымные длинные ленты, налетает и касается его горячей влажной кожи, и от этого ледяного прикосновения Демьену становится не по себе. Корона, о которой он позабыл, тяжело давит на лоб, и он, отстранившись от девушки, с удивлением смотрит в ее затуманенные темные глаза.

Погоня, от которой он убежал, настигла его; темные тени заматались по углам, настойчиво шепча его имя, и Демьен с тоской понял, что еще миг - и он проснется, не насладившись всецело страстным свиданием.

«Демьен, Демьен, - настойчиво зовет его голос Аргента, и Демьен чувствует, как его зимняя сказка гаснет, тухнет, становясь серой, блеклой. Тепло уходит, на плечи наваливается липкий обжигающий снег, и его Виолетта, его красивый золотой светлячок, рассыпав темные волосы, вмерзает в жесткий наст, превращаясь в ненастоящую восковую куклу. - Ничего не забыл?»

«Забыл! - мелькнуло в голове Демьена. Корона все крепче стискивала лоб, вымораживала все мысли о наслаждении. - Имя забыл спросить!»

Девушка словно не замечала перемен, произошедших вокруг ни, не видела навалившейся темноты и черной вязи ветвей над их головами. Ее глаза все еще были живы, и Демьен, склонившись к самым губам девушки, тихо-тихо шепнул, дыша остатками тепла:

- А как твоё имя? Кого я люблю так страстно? С кем провожу мою жизнь? Кому отдал сердце?

- Агния, - её помертвевшие губы разжались, темные глаза моргнули в последний раз, обращаясь в холодные драгоценные камни, Демьен с криком отпрянул от холодного снежного тела и... проснулся.

Он сидел в своей постели, скомканной и сбитой, мокрый от болезненного пота, с сильно колотящимся сердцем, и напротив него в кресле, поблескивая в темноте глазами, сидел Аргент. Черные алмазы, словно звезды, вспыхивали над его головой, и Демьен, переведя дух, плюхнулся обратно в постель, отирая липкий пот со лба.

- Ну маги-и-истр, - протянул он укоризненно. Брови Аргента вежливо приподнялись вверх, изображая недоумение.

- Что? - спросил он, изображая полное непонимание. - Я не умею подсматривать чужие сны. Но и без этого я могу сказать с уверенностью - я был прав?

«Агния», - в ушах Демьена все еще звучал такой родной, такой знакомый голос, произнося чужое, незнакомое имя.

- Да, вы оказались правы, магистр, - нехотя признался Демьен. - Агния. Ее зовут Агния.

Глава 4. Башня Королевских Часов

Уна никак не могла уснуть.

Лунный свет сонно чертил светлые квадраты на полу, точил деревяшечку сверчок, спрятавшийся в теплом углу за камином, рдели алыми отблесками остывающие угли за черной каминной решеткой, а Уне все не спалось. Неясная тревога томила ее душу, и на все ждала, ждала, что сейчас что-то произойдѐт...

Она ворочалась с боку на бок, и ей казалось, что в постели без Аргента холодно. Магистр ушел ловить сны Демьена, и кто знает, удастся ли ему разглядеть что-то в этих снах, и как долго он будет их рассматривать?... Может, всю ночь?

Уна натянула на себя одеяло и зарыла глаза, но уснуть ей не удалось.

Сразу несколько крепких снежков с глухим стуком разбились о стекло, и Уна вздрогнула, подскочила, глядя как липкий мокрый снег скатывается по стеклу, оставляя блестящие мокрые дорожки. Следом за снежками раздался тихий свист за окном, и Уна, откинув одеяло, спустила ноги на пол, подскочила и бросилась к окну.

Внизу, под окнами, было темно, виден был лишь один темный силуэт, нетерпеливо вышагивающий по подтаявшему снегу, но девушка узнала бы человека, нетерпеливо ожидающего ее, из тысячи. Ветер играл полами длинного,

светлого плаща, который в потемках почти сливался со снегом, вспыхивающие в тусклом ночном свете камешки на золотом венце лишь подтвердили ее догадку.

- Дерек? - удивленно произнесла она, осторожно приоткрывая окно. - Что ты тут делаешь?

- Прыщавый гoblin быстрее тебя пудрится, - осторожно отозвался снизу Дерек и Уна расхохоталась, услышав пароль.

- Да тише ты, тише! Всех перебудишь!

Дерек, шмыгая носом, зябко передернул плечами, оправляя на них плащ. На его светлых замшевых перчатках блеснули королевские короны, вышитые золотыми нитками, золотые волосы рассыпались по меховому песцовому вороту, и Уне подумалось, что сейчас, в лунном неверном свете, Дерек очень красив, совсем как дух зимнего леса. Уна невольно улыбнулась, ощутив в своем сердце теплое чувство к старому другу, которого хорошо знала до того, как он надел венец принца. Даже когда она думала, что ненавидит его, все равно его красота заставляла ее забывать все и любоваться им.

Сейчас же, когда к тонким чертам и красивым одеждам добавилось еще и внутреннее превосходство, уверенность в себе, Дерек стал просто блистать как самая яркая звезда на небосводе.

- Зачем ты разбудил меня?

- Дело есть! - таинственно ответил Дерек. - Спустишься? Только одевайся потеплее... и попрacticalнее. Желательно обойтись без юбок, крепкими хорошими штанами и ботин-

ками. И кочергу не забудь - понимаешь о чем я? - его глаза многозначительно блеснули в темноте, Уна рассмотрела, как он отворачивает меховой ворот своей зимней теплой куртки, демонстрируя крохотную золотую вещицу, приколотую к светлой серой ткани в самом незаметном месте.

- Хорошо, сейчас! - шепнула Уна и поспешно закрыла окно.

Натягивая шерстяные чулки, она чуть поморщилась, понимая, что Аргенту вряд ли понравятся ее ночные прогулки с Дерекком. Как ни верти, а Аргент ее к Дереку ревнует; даже несмотря на то, что все было давно, и Уна не видела своего давнего друга уже пару лет; даже не смотря на то, что при встрече Дерек не позволял себе ни словом, ни взглядом намекнуть на то, что когда-то у них с Уной были отношения, ревность все равно проскальзывала во взгляде магистра.

Дерек был ее первой, самой первой любовью, наивной и детской. Даже ненастоящей, мимолетной, увлечением, но... первым. Аргент знал, что такие чувства хранятся в сердцах долго, если не всю жизнь, и воспоминания перебираются с любовью и нежностью. Поглядывая на молодого принца, магистр не мог не отметить его красоты и внутреннего благородства, которое привлекало к нему поклонниц даже больше блестящей внешности.

«Но сейчас, - думала Уна, успокаивая свою совесть, - совсем другое дело! Положение отчаянное. Демьену, да и всему королевству, угрожает опасность, а моя первая обязан-

ность - служить Алому Королю. Наверняка Дерек обратился ко мне за помощью, а не просто позвал меня прогуляться под луной, и я не могу отказать... принцу».

К мысли о том, что Дерек оказался принцем, Уна не привыкла до сих пор. Он и сам как-то тактично и ловко избегал говорить об этом и, несмотря на то, что голову его украшал венец, всегда старался быть в тени, хотя ему, с его-то красотой и статью, это было делать ох как непросто. По праву он должен был занять королевский трон, но Дерек настолько не хотел этого, что с удовольствием уехал бы прочь, обратно на ферму Флетчеров, если б мог. Но Демьен не разрешил ему этого сделать.

- Ты мне нужен, - без обиняков заявил он, глядя светлыми глазами в лицо двоюродного брата. - Как советчик, как брат, как друг. Ты нужен мне.

И Дерек, наверное, самый тактичный и дисциплинированный человек во всем мире, остался. Впрочем, что скрывать - он и сам привязался к Демьену; неугомонность, озорство и дерзкий нрав привлекали к молодому Алому Королю, и братья поладили как нельзя лучше. Да и светлы - добрые советы вдумчивого, серьезного Дерек Демьен принимал с большой охотой.

...Уна натянула бриджи, сорочку и жилетку, застегнула на все пуговицы куртку для верховой езды, полагающейся по регламенту каждому студенту академии, надела крепкие ботинки и шею обмотала шарфом, справедливо полагая, что на

улице хоть и тепло, но все же зима. А значит, теплые вещи не помешают. Свои огненные волосы она наскоро убрала в два тугих узла, чтоб не мешались, на плечи накинула короткий - как у маленького королевского пажа, - теплый плащ. Золотую кочергу, магический королевский оберег, она приколола так же, как и Дерек - под воротник, чтобы не бросалась в глаза.

Оставить Аргенту записку? Нет? Наверное, стоило бы; Уна задумчиво склонилась над столом Аргента, взяла в руки его перо и провела ладонью по чистому листу бумаги. Объяснить все? Сказать, что ее позвали, и не абы кто - принц! И вовсе не для праздного гуляния... Но времени на это совсем не было - Дерек под окном снова забеспокоился, свистнул, и Уна не стала ничего писать.

С Аргентом, который мог вернуться в любой момент, сталкиваться тоже не хотелось. Могли начаться расспросы, девушка живо представила себе неудовольствие, которое непременно выпишется на лице магистра, когда он услышит имя вызвавшего Уну в такой поздний час. А потому Уна решила спуститься вниз по-бандитски, по веревочной лестнице, которая была удачно спрятана за большой кадкой, в которой росло небольшое экзотическое деревце.

С последних ступенек чуть покачивающейся лестницы Уна неуклюже спрыгнула в снег, едва не поскользнувшись, и Дерек подхватил ее, не дав упасть и запутаться в орешнике. На миг он прижал девушку к себе, крепко-крепко стис-

нул, укрыв ее полой своего светлого серого плаща, опушенного песцами, от разыгравшегося к ночи ветра, и ей показалось, что он склонился над нею чуть ниже, чем того требовала ситуация. Растерявшаяся Уна, глядя в голубые прекрасные глаза принца, ощутила на своей щеке его теплое дыхание, его светлые локоны коснулись ее лица, но Дерек тотчас отстранился сохраняя совершенно спокойное выражение на своем лице. Теперь его руки поддерживали девушку очень аккуратно и почтительно, но совсем бесстрастно, и Уна перевела дух, успокаивая себя - показалось... всего лишь показалось, что принц воспользовался ситуацией и хотел ее поцеловать. Вероятно, этого хотелось бы ей? От этой крамольной мысли Уна стыдливо вспыхнула, а потом остыла, понимая, что это ее маленькое желание - всего лишь отражение ее тоски по прежним временам и по прежнему Дереку, которого она считала своим самым надежным и верным другом...

- Что ты задумал? - спросила Уна поспешно, чтобы как-то скрыть свое смущение, одергивая одежду.

- Не я, - парировал Дерек, глядя на нее спокойно и прямо, словно не было только что двусмысленной и неловкой ситуации, - а мы.

Он кивнул в сторону орешника, спутанным кружевом чернеющим на белом снегу, и Уна, обернувшись, увидела за его хаотичной вязью еще один сверкающий венец.

- Демьен тоже тут?!

- Как в старые добрые времена, - произнес Дерек, улыба-

ясь осторожно, краешком губ. В его голубых глазах на миг отразилась такая радость, будто он узнал секрет, как повернуть время вспять, и Уна снова поежилась от тоски, коснувшейся ее сердца.

- А Аргент где? - удивилась она, глядя, как Демьен шагает по узкой тропинке, ведя за собой лошадей для всей троицы.

- Разве он не с тобой?! Он же должен был охранять твой сон!

- Пошел обходить академию, - отозвался негромко Демьен. - Сказал, что должен убедиться, что нет ни единого шпиона. Дело, кажется, серьезное; Аргент - великий человек, он сразу заподозрил обман, и сегодня во сне его опасения подтвердились. Кто-то все это время водил меня за нос, и он подобрался ко мне очень близко, коль скоро знает так много...

Для Уны Король привел послушную гнедую лошадку, и сам помог Уне взобраться в седло, подставив руку под ее ногу. Сам он взлетел в седло в один миг, и Дерек последовал его примеру.

- А куда мы собрались? - поинтересовалась Уна, взяв в руки поводья.

- На Башню, к Королевским Часам, - кратко ответил Демьен, сверкнув грозно глазами. - Нам бы поймать того, кто крадет время и узнать, что за негодяи наводят на меня эти сны, и с какой целью!

- Не лучше ли Аргента попросить выследить Похитителя Времени? - осторожно поинтересовалась Уна, но Демьен

упрямо тряхнул головой.

- Аргент против, - коротко пояснил он. - Ему всюду мерещатся заговоры и шпионы, а ловля вора почему-то кажется очень опасным делом! Тем более, что сильнейшие королевские маги пытались его поймать, и...

- ...и?

- ...и ничего, - Демьен нахмурил брови, губы его упрямо сжались. - Время было украдено, но вор остался невидим. Однако, это проблему я решу. Обещаю!

Он пришпорил своего коня и первым выехал на дорогу, ведущую из сада за пределы академии, а Дерек и Уна последовали за ним.

Башня, на которой располагались Королевские Часы, была огромной, старой и тихой. Хранитель башни, а по совместительству и главный часовщик, маленький сморщенный старичок с детскими удивленными глазами, наблюдающий за механизмом часов, разбуженный посреди ночи самим Королем, поспешно натягивал штаны, дико озираясь.

- Часы? - бормотал он, кое-как заправляя полы длинной ночной рубашки в штаны и как попало застегивая на куцей жилетке пуговицы. - А что с ними? Они в отличном состоянии, клянусь!

- Вот и посмотрим, - ответил Демьен, терпеливо дожидаясь, пока хранитель отыщет под кроватью стоптанные старые туфли и зажжет свой фонарик. - Идем, посмотрим?

Лестница, ведущая наверх, к часовому механизму, была скрипучей, с протертыми множеством ног ступенями, но чистый - хранитель тщательно следил за этим. Не так много человек посещало башню ежедневно, но она все равно была убрана так чисто, словно каждый миг мог заявиться важный гость - такой, например, как Король. Ступени ее лестницы были чисто выметены, кирпичный пол отмыт так, что ни песчинки не завалилось в углах, а паутина, которую прилежные пауки в изобилии развешивали всюду, де только могли, тщательно собрана маленькой метелочкой.

И теперь, шагая впереди Короля по старым, жалобно поскрипывающим ступеням, хранитель раздувался от гордости, потому что ему не стыдно было показать плоды своих трудов. Все было аккуратно, ухоженно и отлажено.

- Эти Часы, - с гордостью говорил хранитель, повыше поднимая свой фонарик, так , что пятно света от него металось по совершенно лысой, блестящей макушке хранителя, окруженной белоснежными реденькими кудрями, - самые точные Часы в мире! Их механизм древний, но очень прочный и надежный! И если бы не воры... если бы не воры, эти Часы не ошибались бы еще тысячу лет!

Хранитель горестно вздыхал, печалась и переживая за свое детище, за свое сокровище - Часы, - и башня тихонько вздыхала вместе с ним.

Лестница кончилась, и на последней, самой верхней площадке, хранитель встал перед дверями, ведущими непосред-

ственно к сердцу механизма - к крутящимся зубчатым шестеренкам, отполированным временем до блеска, с забавными картинками, вытравленными на их ярких медных дисках.

- Постойте, - произнес Демьен, заметив, что хранитель, подняв фонарик повыше, одной рукой неловко перебирает ключи на большой связке, задумчиво шевеля губами. - Не стоит вам идти туда. Дальше мы сами. Благодарю вас за вашу помощь.

Хранитель, увеченный своими поисками, не сразу услышал слова Короля, а потому их пришлось повторить дважды, чтобы тот, наконец, прекратил свои поиски и оставил ключи в покое.

- Ась?! - переспросил хранитель, глядя на Демьена удивленными чистыми глазами. - Что?! А как же вы попадете туда, если я...

Он указал на дверь, запертую на замок, на замочную скважину, обвел жестом массивную дверь на почерневших от времени огромных дверных петлях.

- Не беспокойтесь, - мягко сказал Демьен, расстегивая ворот куртки и вынимая из-за пазухи черный, замысловато выточенный ключ на длинной цепочке. - Я открою эту дверь. Идите; вам с нами нельзя.

Часовщик-хранитель с недоверием посмотрел на ключ в руках молодого Короля; на его языке вертелся язвительный вопрос, и, вероятно, не один. Может быть, хранитель хотел выразить свое сомнение по поводу королевского ключа, ведь

зверенная ему башня была особенной, и ее первой попавшейся отмычкой не откроешь! Но он смолчал, глядя на лукавую улыбку Демьена, чуть пожал плечами и отступил в темноту.

- Как скажете, Ваше Величество, - произнес хранитель, и голос его звучал чуточку обиженно. - Я буду ждать вас внизу.

И он неспешно начал спускаться по лестнице, унося с собой свет, шлепая подметками старых растоптанных туфель, зевая, старчески охая и почесывая спину.

Когда шаги его стихли где-то внизу, Уна вытянула ладонь вперед и на ее пальцах расцвел лепесток пламени, осветивший лестничную площадку куда ярче маленького фонарика старика-хранителя.

- Ну, - произнес Дерек, рассматривая ключ, который Демьен снял с шеи, - может, объяснишь, что это значит?

- Конечно, - с готовностью ответил Демьен. - Ест Вседверь, а это - Всеключ.

- Очень содержательно, - произнесла Уна. - А можно яснее выражаться.

- Часы кто-то посещает, - терпеливо ответил Демьен. - И крадет время.

- Да что ты говоришь! - Дерек изумленно покачал головой и зацокал языком, но Демьен перевел на него строгий взгляд, и принц прекратил паясничать.

- Наши маги, и техномаги, - терпеливо продолжил Демьен, - устраивали засаду, и не один раз. Несколько, - Демьен по-

мялся, размышляя, стоит ли делиться такой секретной информацией с друзьями, но, наконец, решился. - Если быть точным, то пять раз. Пять раз они охотились на того, кто обманывает Часы и крадет время.

- Пять раз! - воскликнула, пораженная, Уна. Демьен кивнул.

- Именно. Сначала они думали, что вор просто невидим. Маги варили особые стекла, чтобы рассмотреть любого, но башня оставалась пустой перед их взором, даже вооруженным самыми сильными, самыми волшебными очками. Механизм работал отлично; ни оного сбоя, ни одного лишнего звука - все отлажено. Ни пылинки, ни лишней песчинки. Ни малейшей причины, по которой Часы вдруг могли бы сбиться. А они сбивались. Ровно в пять утра, когда город уже просыпался, когда минутная стрелка готова была коснуться цифры двенадцать, Часы вдруг удивленно крякали, кашляли, как живые, и стрелка падала на пять минут назад. И никого рядом с нею не было! Вор оставался невидим. Значит, дело тут не в невидимости. Значит, вор спрятался глубже, чем мы предполагаем.

- И как же твой ключ поможет нам его увидеть? - поинтересовалась Уна, и Демьен многозначительно покачал пальцем.

- Я потому и позвал вас, - ответил он. - На всякий случай... я не знаю, с чем мне придется столкнуться, а тайну такого уровня можно доверить лишь тем, в ком уверен. Этот

ключ,- он еще раз продемонстрировал свое сокровище Дереку и Уне, поднеся его близко к их лицам, словно хотел, чтобы они запомнили каждую замысловатую завитушку на его черной, выкованной искусным мастером головке, - открывает не просто двери. Он открывает двери... к самой сути вещей. И обратного хода нет.

- Это как? - удивилась Уна.

- Пройдя сейчас со мной через проход, открытый этим ключом, вы навсегда останетесь Всевидящими, - ответил Демьен. - Вы будете видеть то, чего не видят другие. Ветер, например. Мороз. Дождь. Все чувствуют Мороз, но никто не знает, как он выглядит. Вы - будете.

- О, как это интересно! - произнесла, потрясенная, Уна. - Это как мое зеркальце!

- Почти, - согласился Демьен, чуть кивнув головой. - Только твое зеркальце может еще и предсказывать, а Всеключ может просто открыть глаза на происходящее. Когда мне сказали, что вора поймать не удастся, я сразу задумался о его природе. Быть может, Время само убегает от нас? По своей воле? И его стоило бы уговорить не делать этого? Ну, готовы?

Дерек и Уна кивнули, и Демьен аккуратно вставил черный ключ в замочную скважину. Хранитель зря презрительно морщил нос - королевский ключ подошел к дверям в часовой башне, замок отперся с первым же поворотом ключа, и дверь, чуть скрипнув, отворилась.

...Это была самая странная комната из всех, что существуют на свете. Уна, Дерек, Демьен - они просто замерли на пороге, изумленные, ослепленные и ошеломленные увиденным.

Часовой механизм?!

Будуар красивой дамы, модницы?!

Склеп?!

Предгрозовый тревожный свет больно резанул их глаза, привыкшие к мягкому полумраку. Все вокруг было залито им, и все предметы - даже самые простые и знакомые, - казались зловещими и страшными, словно кусочки ужасного, пугающего сна. Часы работали и здесь; их мерное тиканье напоминало нудный стук капель, долбящих камень, от него начинало ломить в висках и хотелось зажать уши, чтобы этот отравленный звук не сливался с кровью и не заставлял сердце биться так же мертво и страшно.

По розовым стенам странной сумасшедшей комнаты, оббитым нежным шелком в маленький цветочек, карабкались вверх черные голые стебли умирающего плюща, похожего на уродливые глубокие трещины, прорезавшие каменную кладку. Его листья пестрым мягким ковром устилали пол, лежали на беленьких комодах с облупившимся лаком, под которым угадывался тлен, черное старое дерево и плесень. Неряшливыми пятнами коричневые листья были приклеены к розовому шелку, пристали к шестеренкам часов. Выющиеся стебли

пытались связать, остановить и сами Часы, втискиваясь меж острых зубцов, наматываясь на оси шестеренок, забивая механизм красными и коричневыми, уже высохшими листьями. Но Часы боролись, не сдавались, безжалостно перемалывая плющ в труху, и неряшливые мусорные чешуйки разлетались повсюду.

- Неудивительно, что Часы стали ошибаться! - произнесла Уна, расширенными от удивления глазами глядя на расставленные меж шестернями креслица и столики с чашками, наполненными недопитым чаем, заставленные тарелочками с надкусанными и засохшими пирожными. - Это кто ж так постарался?

Но Демьен чуть качнул головой - нет, нет, не это причина! - и компания несмело прошла вглубь комнаты, стараясь ничего не задеть и не повредить.

У огромного, круглого, как циферблат, просмотрового окна, у комода с установленным на нем зеркалом сидела на нарядном пуфике, обтянутом роскошным бордово-золотым гобеленом, некая особа - рыжая, как леса-огневка. Из полуоткрытых ящичков торчали нехитрые украшения - птичьи разноцветные перья, свисали длинные нитки жемчужных бус, в которых расколовшиеся и потерявшие жемчужины были заменены неуместно яркими красными ягодами. Из-за тиканья огромных часов она не услышала голосов вошедших - а может, слышала, да только ей было все равно. Она была слишком занята собой и своим хорошеньким ли-

чиком, которое рассматривала в блестящем овальном зеркале.

Ее кипенно-белое платье было воздушным и прекрасным, как плывущие по небу облака, но подол пышной, как взбитые сливки, юбки почему-то испачкан грязью и облеплен приста- вучими сухими колючими репьями. Вместо браслетов, про- калывая тонкую, нежную ткань воздушных батистовых ру- кавов и оставляя в них неряшливые дыры, на руках неиз- вестной болтались плети черного, засохшего терновника, и точно такой же терновник, словно колье, спускался на грудь странной девицы, цепляя платье и портя его.

На голове рыжей чаровницы, чьи огненные кудри по цвету могли соперничать только с красными листьями клена или алыми - плюща, лежал венок... да нет же, корона! Видимо, девица сама сплела ее из пестрых осенних кленовых листьев, гроздьев спелой рябины, горящей огнем меж пучками зеле- ных сочных листьев, и черных голых веток, годных лишь на то, чтобы по ним скакали маленькие голодные птички с жел- тыми грудками.

И так, и так вертясь перед зеркалом, поправляя тяжелый венок на голове, прелестница то добавляла в венок цветы иссохшего чертополоха, то вплетала в рыжие кудри яркие мелкие бессмертники. Карминово-красные губы она то и де- ло подкрашивала горькой ягодкой рябины, и, оглядев себя в зеркало, оставалась очень довольна увиденным.

- Госпожа Осень, - неприятным, елеинным голосом произ-

нес Демьен, заложив руки за спину и покачиваясь на носках, словно строгий учитель, рассматривающий нерадивого проказника-ученика. - Надо же, кто, оказывается, проказничает в моей столице... Чем обязаны вашему пристальному вниманию? Очень рады, что вы нас посетили, но поясните причину, по которой вы не хотите покидать наше гостеприимное государство?

Волшебный ключ преобразил и его; казалось бы, что ничто в его внешности не изменилось, черты лица остались все теми же, но над головой его, полыхая лепестками танцующего пламени, теперь горела корона. Ее невозможно было ни снять, ни спрятать. Она просто была, отражая сущность Демьена, и плащ на его плечах, изнутри подбитый мехом, странно напоминал сложенные за спиной алые крылья, покрытые красивой плотной чешуей.

От звука его голоса, с нескрываемой ехидцей произнесшего ее имя, Осень вскрикнула и обернулась, едва не уронив свое зеркало.

- Ты... видишь меня?! - изумленно произнесла она, рассматривая Демьена так, словно за бесконечную череду своих рождений она не видела ничего удивительнее.

Демьен чуть склонил голову с пылающей на его черных волосах короной.

- Так и ты видишь меня, - ответил он, шуря серые глаза.

По алым пухлым губам Осени скользнула неприятная, колкая и почти безумная улыбка, ее темные, как октябрь-

ский ливень, глаза вспыхнули ярким, почти фанатичным огнем.

- Кто же может не увидеть Короля Драконов! - почти пропела она сладким, как последний мед, голосом, поднимаясь со своего удобного сидения. - Он так хорош, так красив и молод, так грозен и так умен! И у него такая отчаянная, такая опасная свита!

Осень громко расхохоталась, издеваясь, и Демьен чуть покраснел от злости, на щеках его заиграли желваки, но он сдержался, смолчал, не произнес обидных и бранных слов.

- Нет, правда, - продолжала Осень, никем не останавливаемая. Она неспешно поднялась, откинула длинный шлейф и танцующей походкой направилась к замершему Демьену. - Ты очень умен, молодой Король. Надо же... Все эти убеленные сединами маги, все эти грозные стражи, вглядывающиеся в пустоту в надежде разглядеть недруга - все они думали, что зло творить может только человек из плоти и крови, и никто из них, умудренных опытом, даже не подумал о том, что вашим общим врагом может быть кто-то из... Вечных.

Это слово Осень выдохнула Демьену прямо на ухо, прижавшись к Королю, положив голову ему на плечо, и свою руку - ему на сердце. Она прильнула к нему, как приникает плющ к кирпичной кладке стен, обвила его шею руками, так опасно, так жадно, словно хотела очаровать его своей странной, умирающей красотой, растворить его сознание, заглядывая в его светлые глаза своими, темными и дождливыми,

заворожить шепотом падающих капель и удушить в своих объятьях.

И он почти поддался на ее странные чары, если б не Уна. Ее яркое пламя вспыхнуло на ладони у девушки, она высоко подняла его, замахиваясь на прильнувшую к оцепеневшему Демьену Осень, ита отпрянула от молодого короля с шипением дикой разъяренной кошки, отбежала прочь, волоча по шуршащим листьям длинный испачканный шлейф.

- Отойди-ка прочь, сумасшедшая, - процедила сквозь зубы Уна. - Таких кривляк мы видели предостаточно!

Безумная Осень перевела свой взгляд на Уну. По всему было понятно, что она не боится дочь огненного мага, но все же с неохотой разжала руки, выпуская из своих объятий молодого Короля, чуть слышно посмеиваясь и отступая от Демьена.

- Дочь огненного мага! - задумчиво протянула Осень, делая вид, что припоминает что-то. - Я помню, как умер твой отец. Земля на его могиле была так тяжела и мокра от дождя...

- Какая же ты сволочь! - выкрикнула яростно Уна, и Дерек едва успел удержать ее, иначе она накинута бы с кулаками на Осень. - Тебе что, так нравится мучить людей?!

- Конечно, нравится, - вкрадчивым голосом, полным удовлетворения и злобной радости, ответила Осень. - Конечно, дитя мое! А как это может мне не нравиться?! Ведь осень

- это пора умирания, когда радость гаснет и увядает. Тлен, разложение... запах прелых листьев, вода и вода, льющаяся со скорбных небес, черные и коричневые краски... Ты слышишь, как плачет ветер? Он лишился всех своих друзей - листьев, - и теперь не с кем шептаться по ночам в кронах... Птицы улетели; вода стала темна и мертва...

- Ты сумасшедшая! - яростно выкрикнула Уна, стараясь вывернуться из крепко удерживающих ее рук Дерека.

Осень лишь равнодушно пожала плечами.

- И за этим ты все это затеяла? - насмешливо подал голос Демьен, нарочно делая вид, что не замечает ярости Уны и дразнящей ее Осени. - Чтобы вечно царить?

Осень перевела на него презрительный взгляд и фыркнула, презрительно и грубо.

- Пожалуй, - произнесла она насмешливо, - я поспешила, назвав тебя умным. Ты такой же глупый, как и все, милый мальчик, - совершенно неуважительно сладеньким голоском пропела она игнорируя королевскую корону Демьена. - Чтобы всего лишь увидеть Вечных, ты использовал запретную магию. А чтобы Вечные могли прикоснуться к миру живых, чтобы что-то изменить в ходе человеческих жизней - такой магии не существует, нет!

Демьен чуть улыбнулся; его светлые глаза чуть сощурились.

- Так есть кто-то, - произнес он, - кому ты прислуживаешь?

Он нарочно произнес это слово как можно пренебрежительнее, вкладывая в него всю свою королевскую брезгливость, и Осень вспыхнула чахоточным ярким румянцем.

- Мы заключили договор! - выкрикнула она резко. - Украсть время она может, но этого мало! Чтобы его остановить, я должна победить Короля Зимы! Я нужна ей, я не прислуживаю!

- Нужна ей, - насмешливо протянул Демьен, посмеиваясь. Осень зло топнула босой ножкой, холодная вода из неглубокой холодной лужи разлетелась каплями.

- *Великая Пустота*, - процедила Осень высокомерно, - могла выбрать в союзники кого угодно. Могла взять самого Короля Зимы...

- Но он отказался, - весело ответил Демьен, блестя озорными глазами; глядя на его обворожительную улыбку, Уна вдруг поняла, что Король теперь сам дразнит Осень, нарочно играя на чувствительных струнах ее души, а она - не особо умная, скорее даже медленно соображающая тугодумка, - очень легко поддается на его нехитрую уловку. - Поэтому она его и велела убить. Отомстить.

- Могла позвать Весну, - оскалившись, зло прошипела Осень, и Демьен презрительно поморщился.

- Чтобы люди, навечно застрявшие в весне, влюблялись и ожидали чуда?

- Лето! - выкрикнула Осень, но Демьен отверг и эту возможность, чуть качнув головой.

- Нежный зной; тенистый полдень; звездопад по ночам над загадочно шелестящими кронами деревьев. Рассказанные сказки под сенью ночных садов. Спящие яблоки и вечное изобилие... Нет, Осень. Ты одна ущербна и страшна. Великой Пустоте нужны твои умирание и тлен, чтобы заставить людей страдать.

- Да! - яростно выкрикнула Осень, яростно сжимая кулачки. - Да, ей нужна моя смерть! Моя черная печаль, серая тоска! Люди, эти маленькие букашки перед лицом Вечности, должны страдать! Вечна осень; вечное уныние. Солнца нет; голод и холод. И смерть не приходит. Они будут страдать вечно!

- За что же такое суровое наказание? - деланно удивился Демьен. - Только тот, кто сам пережил нечто подобное, может желать такого зла людям.

- Она пережила, - торжествуя, ответила Осень. - Люди каждый, по капле, дарили ей страшную вечность, и никто не хотел помочь! Никто!

Демьен равнодушно пожал плечами.

- Но люди тут не причем, - ответил он. - Ее запер и поил временем собственный отец.

- А люди продавали ему свое время! - зло шипела Осень. Глаза ее стали злыми и почти черными.

- Значит, вот кто вырастает из ребенка, - подала голос Уна, - из умирающей девочки, напоенной чужим временем. Вот за существо создал убитый горем Часовщик - Великую Пу-

стоту. Ты молодец, Демьен. Заставил ее все выболтать.

Осень громко расхохоталась, так, что затряслись листья в ее венке.

- Заставил выболтать!?! - произнесла она насмешливо, отсмеявшись. - Да я сама рассказала бы, если б вы спросили!

- Вот так запросто? - невинно произнес Демьен. - Ты мне вот так запросто выложила б имя моего врага? И все ваши планы?

- А что ты можешь сделать, великий Король Драконов? - шепнула Осень, снова обернувшись к Демьену. - Что. Ты. Можешь. Сделать? Вынь свой меч, - ее тонкие, алебастрово-белые пальцы легли на его ладонь, принудив ее сжаться вокруг рукояти оружия. Рука кроля потянула меч из ножен, и он зашелестел недобро, как полагается металлу говорить с ножнами. - Пронзи мою грудь здесь и сейчас! И ты увидишь, - Осень засмеялась коротким смешком, направляя острие меча себе в сердце. - Ты увидишь, что ничего сделать не можешь.

Металл в коварном выпаде прошел насквозь, и Осень рассмеялась, глядя в светлые злые глаза Демьена.

- Я бессмертна, мальчик мой, - шепнула она, сжав пальцы на его мече и вытягивая его из своего тела. - Ты не можешь убить меня.

- Но Пустота, - заметил Дерек, молчащий до сих пор, - не одна из Вечных. Таковой ее сделали люди. Значит, и способ убить ее существует.

Осень с криком кинулась на Дерека, протягивая к нему свои руки с жутко скрюченными пальцами, но он увернулся, отступил, безглаголиво запахнулся в свой светлый плащ, и безумная грязная Осень не коснулась его.

- Ты! - визжала она, трясаясь от злобы, сжимая бессильно кулачки. - Зимний ублюдок!

- Я законнорождённый, - холодно прервал ее визг Дерек, безглаголиво поморщившись.

Уна рассмеялась злым смехом, глядя, как затравленно озирается Осень на лица окружающих ее врагов.

- У меня тоже есть способ выкурить тебя отсюда, - произнесла она недобро, разжигая на ладони лепесток пламени. Осень затряслась от злобы, глядя на пляшущий на ладони девушки зеленый лепесток. - Смотри, как быстро стираются воспоминания о тебе!

Зеленое пламя, весело треща, перекинулось на мертвый плющ, на облупленную мебель, пожрало вмиг розовые обои, и башня вмиг стала такой, какой ей и полагалось быть - пустой и чистой. Осень испустила горестный вопль, глядя, как горят ее листья и столик с недоеденным пирожным. Босыми ногами скакала она по зеленым, как внешняя трава, лепесткам пламени, но они упорно карабкались вверх, начисто вылизывая от осеннего тлена стены, потолок, рассыпая черными чешуйками нежного тонкого пепла все богатства безумной Осени. И скоро ничего не осталось; лишь часовой механизм, поблескивая медными колесам, работал четко и громко.

И в этой идеальной чистоте вдруг, откуда не возьмись, появилась темная тонкая фигурка, испуганно скрючившаяся у зубчатых шестеренок. Свет, падающий в панорамное круглое окно, осветил тонкие ножки, обутые в щеголеватые башмаки и обтянутые щеголеватыми чулками с разноцветными стрелками. Камзол на неизвестном был пошит из зеленого богатого бархата, как и узкие мосты, и сзади он был похож на не очень длинное, пышно наборенное платье, а спереди украшен золотыми блестящими пуговицами.

Зеленые лепестки пламени танцевали вокруг неизвестного, облизывая его щеголеватые башмаки, и тот запрыгал, топая пятками, стараясь придавить магическое пламя.

- Ворует время прямо у нас из-под носа! - изумленный нахальством вора, произнес Демьен, разглядывая тощенького человечка, раздетого в пух и прах.

Дерек ничего не сказал: однако, в его руке блеснул меч с золотой рукоятью, и Осень прокричала тысячами птичьих тревожных голосов:

- Беги-и-и-и!

У Похитителя Времени была на удивление обычное, ничем не примечательное лицо. И это было странно.

Одетый в королевский бархат, с кружевами, пышной пеной взбитыми на груди, на манжетах, вокруг тоненьких запястий, торчащих из рукавов щегольского камзола, с щегольской шляпкой на прилизанных волосенках, Похититель лицом был на удивление блеклым и бесцветным, словно засти-

ранный лоскут ситцевого старого платья. Невнятного цвета испуганные глаза, короткие рыжеватые ресницы, мелкие брызги веснушек. Такое лицо можно увидеть в любой подворотне, заметить среди лиц мальчишек, играющих в свои немудреные игры с камешками и медными пуговицами.

И тем более странно, что Осень говорила о Похитителе Времени как о женщине. «Она» - так говорила Осень, а опешивший от нахальства вора Демьен ясно видел перед собой испуганное неумытое мальчишеское лицо.

Тараща на Короля блеклые глаза, Похититель словно не слышал протяжного крика Осени, которую три круга танцующего магического зеленого пламени заперли, отрезали от всего мира. Цепкими тонкими пальчиками, такими отвратительно - подвижными, как лапки паука, словно составленными из деревянных, хорошо отполированных и идеально подогнанных друг к другу члеников, он стискивал бархатный зеленый мешочек с вышитыми на нем золотыми вензелями, доверху чем-то набитый, такой тугой, что завязки еле могли его стянуть, и не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы понять, чем наполнен это мешок.

- Ах ты, мерзавец! - взревел Демьен, позабыв тотчас об избранной им тактике и становясь прежним Демьеном, горячим и несдержанным. - Да я тебя сейчас!..

От его крика Похититель напугался еще больше, завизжал совершенно по-девчачьи, даже присев со страху, и не зря: рыча от злобы, Демьен налетел на Похитителя, пронзив его

насквозь своим мечом, вспоров кружевной галстук на груди и красивый новый бархат на спине, которую меч пробил, пройдя насквозь через тонкое тельце.

Казалось, в этот момент Время совсем встало, онемевшее, замершее от ожидания, когда же тонкое лезвие королевского меча выскользнет из пронзенного сердца и его враг, его обидчик падет. Но этого не произошло; нанеся этот страшный, коварный, быстрый, как бросок змеи укол Король отпрянул от Похитителя, а тот все равно остался стоять на ногах, потрясенный, разглядывая порезанную на груди одежду и по-прежнему сжимая свой драгоценный мешок.

- Ты испортил мой галстук! - взвизгнул Похититель истерично, разглядывая расползающиеся кружева. - Ты! Испортил! Мой!..

В его рыжеватых глазах стояли одновременно такой горький укор и такая злость, что Демьян тотчас понял, каким образом эти двое - Похититель и Осень, - спелись. Оба они были безумны.

- Э-э, нет, так его не возьмешь, - процедил сквозь зубы Дерек, и его Золотая Кочерга - тонкий клинок с золотым эфесом, - сверкнула в ночном свете белым пламенем. - Попробуем иначе!

От первого выпада Белого Принца Похититель увернулся так ловко, словно позвоночника в его тощеньком тельце совсем не было, и оно могло вихляться, гнуться и выворачиваться в любую сторону под абсолютно любыми углами.

- Ага, боишься, - прорычал Дерек грозно, размахивая Кочергой. - Магического оружия ты боишься, нечисть?

Похититель не ответил; крепко зажав заветный мешочек в кулачке, он выхватил шпагу, и ее клинок скрестился с королевским, высекая искры.

Фехтовал Похититель тоже преотлично; словно дразня Дерека, размахивая бархатным мешочком у Принца перед лицом, он не уступал, и даже превосходил того в ловкости, и Демьен здорово пожалел, что свой волшебный меч он оставил дома, а значит, и помочь Дереку не может - ну, разве что отвлечь немного Похитителя?

Но и в два клинка Король и Принц не могла совладать с Похитителем; казалось, его даже смешат попытки Дерека и Демьена ранить его, он похихикивал, его блеклое лицо залилось румянцем, губы покраснелись, глаза заблестели от радости, и он даже показал Демьену язык, скорчив дерзкую отвратительную рожицу.

- Ах ты, Сатана... - прорычал Демьен зло, чуть шевельнув плечами. Неизвестно, что она надумал, да только Уна, все еще удерживающая Осень за стеной зеленого магического пламени, заметила, как над головой Демьена ярче вспыхнула огненная корона, и плащ его распахивается, все больше походя на драконьи крылья.

- Нет, Демьен, ради бога, нет! - закричала Уна. - Ты спалишь нас всех!

Этот крик больно резанул уши, Демьен обернулся на него

и Похититель тоже дрогнул, осознав, какая беда грозит ему - и в этот момент коварный клинок Дерек пронзил в великолепнейшем выпаде тощее тельце Похитителя. Золотая Кочерга прошла насквозь, пронзив бок Похитителя, проделав рваную дыру в его щегольском костюме, и тот завизжал и яростно затопал ногами, не умея терпеть боли. Тонкие пальчики больше не шевелились противно и возбужденно, словно перебирая мелкие сокровища, они зажимали дыру на роскошном зеленом бархате, а меж ними сочилось сверкающее бриллиантовой крошкой похищенное Время.

- Что ты наделал, болван! - заверещал Похититель, стараясь собрать рассыпающиеся драгоценные крупинки и затолкать их обратно, в прореху в зеленой ткани. - Что ты натворил?!

- Вот где все похищенное, - недобро процедил Дерек, поднимая свою Кочергу. - А если я сниму с тебя твою нарядную зеленую шкурку?!

Похититель не успел ответить, как и Дерек не успел напасть; целая стая летучих мышей, испуганная чем-то, с противным писком и скрежетом налетела на них, ослепляя мельтешением черных крыльев, и Дерек замахал руками, отбиваясь от обезумевших животных, а Похититель, бросив позорно свое оружие, прижав к раненному боку свой драгоценный мешочек, рванул прочь.

Мечущиеся в панике мыши налетели на него, ослепляя, путаясь в ногах, и Похититель со всего разгону шлепнулся

на живот, растянувшись во весь рост. От удара об пол что-то оглушительно звякнуло, как дорогой фарфоровый сервиз, бьющийся вдребезги. Дыра на костюме Похитителя еще больше разошлась, время посыпалось сильнее, обильнее, позванивая в воздухе украденными минутами, и Похититель разве что не зарыдал, слушая, как утекает меж пальцев его сокровище. Однако, собирать потерянное он не стал; вместо того он бодро подскочил на свои тонкие ножки и прыгнул прямо на лестницу, ведущую вниз с башни. Его щегольские туфли на высоких каблуках затоптали по скрипучим ступеням мелкой дробью, и почти никто не услышал, как захрустели фарфоровые черепки, дробясь под чьей-то ногой, и негромкий голос произнес «первая»...

- Держи его!

Голос выкрикнувшего это потонул в вое вьюги; рассыпавшееся время сверкающими осколками встроилось обратно, и внезапно настала зима - с ее нестерпимым морозом, с вьюгой, заносящей все кругом снегом, с ледяным дыханием, вмиг украсившим тонкими причудливыми узорами просмотрное круглое окно.

Осень, запертая в кругах пламени, вдруг потускнела, съежилась и пропала, выстуженная властным дыханием Зимы, и Дерек со стоном выронил меч, ожегший его пальцы ледяным холодом.

- Если бы ты, - прошептала Уна, - вспорол больше ее одежду, худо нам пришлось бы! Слава мышам, они спасли нас!

- Спасли, - согласился Дерек, потирая замерзшую ладонь.

- А Демьен где?!

Он оглянулся, отыскивая брата взглядом, но Короля нигде не было; только звук его удаляющихся шагов был еле слышен на лестнице...

А у самой двери, поблескивая позолотой и красивой росписью, лежали осколки фарфоровой раздавленной маски...

Глава 5. Король, снег и Ежинка

Похититель бегал слишком быстро и был так юрок, что Королю не удалось поймать его. Демьен схватил было него-
дя за плечо, но тот заверещал, как заяц, и крутанулся, вы-
рываясь из рук Демьена.

Конечно, Демьен нипочём не отпустил бы мерзавца, да ещё и надавал бы ему крепких тумаков по шее, но тот, на миг отняв от раненного бока ладонь, целой пригоршней ки-
нул в лицо Королю время, сочащееся из прорехи в его зелё-
ном костюмчике, и перед Демьеном разыгралась целая буря. Поднялся буран, стало невероятно холодно, вмиг все занес-
ло снегом, не стало видно ни похитителя, ни следов его.

Только и осталось от него, что зелёный бархатный мешо-
чек, который Демьен нечаянно зажал в руках во время борь-
бы. Он был так тяжёл, что Демьен удивился, как такой то-
щий Похититель его удерживает в своих кукольных ручон-
ках, ведь даже Король - молодой и сильный мужчина,- от тя-
жести этого мешка пошатнулся и ухватил его обеими рука-
ми, слыша, как трещат бархатные завязки.

Этого секундного замешательства, в течение которого об-
мерший от неожиданности Король оценивал, какое богат-
ство попало к нему в руки, хватило на то, что маленький По-
хититель совсем скрылся с глаз. Даже шаги его стихли, стали
не слышны за воем ветра, в снег занёс следы. И все же...

Все же Демьен умудрился заметить, где выюга берет свое начало - там, где по капле утекает время из распоротой одежды,- и услышал стук копыт. Похититель пытался скрыться, уезжая верхом. Не превратился в птицу и не растаял в воздухе, а вынужден бежать - уже добрый знак! Значит, он привязан к своей человеческой оболочке, и победить ее можно.

Одна беда; Демьен это понял, когда конь под ним взвился на дыбы и со всей силы ударил копытами в мостовую. Камни от удара раскололись, словно им было лет пятьсот, и они были изношены и истоптаны тысячами тысяч ног. Можно было б выпотрошить мерзавца, стащив с него его зелёную бархатную шкурку, но внутри, под роскошными одеждами, наверняка заперта целая куча времени, и плохо придется тому, кто отважится попасть под его удар. Что случится с этим человеком? Мгновенно состарится? Умрет сию же секунду?

Впрочем, не было времени рассуждать об этом. Пришпорив своего коня - самого сильного и быстрого скакуна в королевстве, - Демьен во весь опор помчался следом за Похитителем, по следам на вымороженной земле и за тонким шлейфом из пурги.

Но догнать негодяя даже на лучшем скакуне в королевстве оказалось не так-то просто; его конь был так же резв, а сам Похититель, кляня молодого Короля и понося его последними словами, роняя злые слезы, переживая свою потерю - бархатный мешочек с украденным временем, - то и дело оборачивался и швырял в Демьена горстями время, натека-

шее из прорехи в костюме.

Растворяясь в холодном воздухе, бриллиантовые мгновения тотчас же становились холодным снегом, который слепил Демьена, не позволяя ему видеть Похитителя.

Да и с сами Демьеном время сыграло какую-то злую шутку. Ему казалось, что погоня длится всего несколько минут, он не успел ещё даже замёрзнуть, а оказалось - конь уже вынес его за город, и вот первые деревья видны, и опушка, и старые ели раскачиваются и скрипят под порывами ветра.

Похититель, удирая, глянул на Демьена через плечо последний раз и рассмеялся недобрым хохотком, словно радовался тому, что ему удалось выманить Короля в незнакомое, глухое место. Он ещё раз швырнул пригоршню времени, пурга поглотила его и не стало ни Похитителя, ни его взмыленного скакуна. Только темнота, слепящий снег да лес вокруг. Демьен завертелся, пытаясь понять, куда ж ему ехать дальше, и как выбраться из чаши, но все дорожки были замечены, да и его следы тоже погребены под снегом

- Не бойся, верный друг, я тебя не брошу, - произнес Демьен, поглаживая дрожащую от все крепчайшего мороза шею коня. - Как-нибудь, да выберемся.

Обернуться драконом да улететь? Но конь... Как с ним-то быть? Не испугается ли, не сорвётся ли с поводка и не убежит ли в чашу? Да и по воздуху нести брыкающееся животное сложно - а ну как выронишь? И бросить нельзя: не поступают так с верными друзьями!

Снег все гуще валил, окончательно замечая следы, погребая под собой заплутавшего путника. Наверное, Демьен надеялся на чудо, когда достал свой охотничий рог и протрубил, стараясь перекрыть вой ветра.

И чудо произошло: впереди, в самой крошечной темноте, под раскачивающимися от разыгравшегося бурана елями вдруг забрезжил огонек. Он мерцал в ночи маленьким золотым пятнышком, мечущимся меж стволов, но Демьен понял, что там кто-то живёт, там тепло и кров.

- Переждём буран там, - сказал Демьен коню и направил его на мерцающий свет.

Чем ближе он подъезжал к старым елям, тем теплее становилось. Под их лохматыми лапами ветер был не так силен, и снег почти не достигал земли. Последние шаги уставший конь делал уже не по белому зимнему покрывалу, а по толстому мягкому ковру из серо-рыжих опавших игл. В лицо Демьену пахнуло теплом, запахом дыма и похлёбки, а конь его радостно заржал, заметив стожок сена за низкой оградой, под навесом.

Под старыми елями, в травяной округлой кочке, кое-как присыпанное снегом, разглядел Демьен маленькое оконце, и низенькую дверцу, показавшуюся ему смутно знакомой. У дверей, ежась от холода, укутанная в толстую лохматую серую шаль, стояла хозяйка, и ее маленький фонарик раскачивался в ее руке.

- Как хорошо, что я слышала вас, - тоненьким голоском произнесла она, улыбаясь так искренне и так радостно, что продрогший Демьен и сам не смог сдержать улыбки.

- Проходите же скорее в дом, - опомнилась хозяйка, которая до того совершенно беззастенчиво, с любопытством, разглядывала спасённого от зимней стужи путника.

И Демьен, в свою очередь, тоже с любопытством разглядывал свою спасительницу.

Это было самое нелепое и самое милое существо, какое только доводилось ему видеть, похожее то ли на юркую маленькую мышку, то ли на любопытного молодого ежа. С ног до головы укутанная в многочисленные платки и лохматые шали, в длинной серой юбке, в кармане которой позвякивали жёлуди и орешки, она была ну точь-в-точь как запасливый ёж.

Волосы ее были серо-желтого цвета, как стебли мягкой сухой травы, из которой птицы так любят вить свои гнезда. Собранные в узел, кое-как скреплённые почему-то двумя толстыми вязальными спицами, они и в самом деле напоминали чье-то гнездо на голове у этой странной девчонки.

Черты ее лица были так обычны, непримечательны и скучны, что Демьен - как ни старался, - не мог сохранить их в памяти. Они оставляли лишь приятный бледный отпечаток вроде пляшущего на стене солнечного пятна - и все. Остренький носик, темные глазки бусинками... Еж, да и только.

Единственное, что Демьен смог запомнить, так это была ее улыбка. Веселая, немного детская, с доброй толикой изумления.

- Ты эльф? - спросил Демьен, улыбаясь во весь рот, потому что невозможно было смотреть на ее серенькую веселую мордашку и не смеяться.

- Да как будто нет, - засмущавшись, ответила девчонка, пряча глаза.

- А кто же? - удивился Король, заводя под навес своего коня. Здесь, в убежище под старыми елями, было тепло, но Демьен все же расстегнул свой плащ и накинул его на коня, укрывая от непогоды. Девчонка, наблюдая за статным, высоким незнакомцем, с интересом крутила носом - и пальцами, торчащими из прохудившегося башмака.

- Не знаю, - радостно ответила девчонка, и Демьен не удержался - рассмеялся. - Мне об этом не сказали. Сколько себя помню, живу тут одна.

- А сколько ты себя помнишь?

- Не знаю, - снова смутившись и потупив взор, ответила девчонка.

Спасённый путник нравился ей; эта откровенная, искренняя симпатия без тени болезненного переживания читалась в ее восторженной взгляде, в ее улыбке. Она так бесхитростно восторгалась Демьеном, что в ее маленькую, растрепанную, похожую на воробыиный дом, головку и мысли не приходило тотчас же опечалиться оттого, что спасённый ею пут-

ник наутро уедет, и не подарит ей на прощение и доброго слова. Вероятно. Засмотревшись на него, она даже чуть не кувырнулась через порог своего дома вместе со своим фонарем, и так бы и было, если б Демьен не поймал ее за шиворот и не поставил на ноги, смеясь.

Впрочем, это досадное происшествие не испортило настроения девчонки. Она и не переставала улыбаться, все так же восторженно рассматривая богатую красивую одежду Демьена.

- В любом случае, - подвёл итог Демьен, отсмеявшись, - ты какое-то лесное дитя. От тебя пахнет грибами - лисичками, - дождем и свежими листьями.

- Наверное, так, - весело и покладисто согласилась девчонка.

- Ну, а зовут-то тебя как? - снова спросил Демьен, оглядываясь по сторонам.

- Не знаю, - все так же весело ответила девчонка.

- Да что ж такое, чего не спросишь - ты не знаешь! Ну, тогда я стану тебя называть Ежинкой. Согласна ты на это?

- Ежинкой? - переспросила девчонка осторожно, словно пробуя новое имя на вкус. И неожиданно рассердилась. - Вот ещё! А ты кто такой, чтобы раздавать имена незнакомым людям?!

Ну тут уж Демьен расхохотался во всю глотку, потому что сердитая Ежинка ошетибилась на точно как еж.

- Бедное дитя, - со смехом ответил Демьен, - сколько ж ты

живёшь тут отшельницей?! И совсем недалеко от столицы... Я-то, предположим, Король. И уж точно я могу наречь любого подданного любым именем, что мне в голову взбредёт. Разве нет?

- Настоящий коро-оль?! - недоверчиво протянула Ежинка. Ее маленький ротик от удивления округлился, стал похож на букву "о", девушка несмело потянулась к королевскому венцу, словно только сейчас его заметила на смоляных волосах Демьена.

Еле сдерживая смех, тот склонил голову, чтоб Ежинка смогла дотронуться до золотой короны, погладить пальчиком сверкающие разноцветные камни.

- Самый настоящий, - важно подтвердил он, когда Ежинка, осмотрев его всего, отступила с восторженным вздохом, сложив маленькие ручки на груди.

- А можно, - застенчиво пролепетала она, загоревшимися глазами рассматривая его корону, - примерить?.. Ну хоть на минутку?! Всегда хотела померить настоящую королевскую корону!

- Давай так, - весело сказал Демьен. - Ты угостишь меня чаем погорячее, а я - так и быть! - дам тебе поносить корону. Идёт?

Ежинка не ответила; только радостно замотала головой. Ее серое, блеклое личико вспыхнуло рябиново-красным румянцем, и она, подхватив старенький медный чайник, бросилась заваривать чай.

Пока вода закипала на маленькой печке, Демьен кое-как устроился за крохотным столиком, сколоченным из грубо оструганных досок, и огляделся.

Жилище Ежинки ещё больше делало ее похожей на какого-то запасливого зверька. Кладовочка с полками, на которых рядком стояли глиняные горшочки с сушеными ягодами, орехами, ароматными травами и крупами, расписные кружки, которые, вероятно, Ежинка сама лепила из глины, добытой на берегу лесного ручья, крохотная спальня с маленькой постелькой, накрытой атласным алым одеяльцем... Фонарик, низенькие табуретки - все было маленьким, аккуратным и удивительно красивым, как будто игрушечным. Даже серебряная ложка, которую Ежинка раздобыла специально для него на полке с посудой, казалась Демьену красивее и драгоценнее всех его золотых ложек во дворце.

- Ты точно эльф, - сказал Демьен, когда Ежинка ловко поставила перед ним кружку с ярко-алым ароматным напитком, пахнущим барбарисом и медом, и на беленьком блюде предложила настоящее лакомство - желтоватый кусочек сахара. - У тебя здесь так уютно и красиво.

Ежинка не ответила, только покраснела - на сей раз от удовольствия, что сам Король похвалил ее лачугу, и теперь с видимым удовольствием пьет ее чай, грея озябшие руки о кружку.

Сама Ежинка не попросила бы во второй раз, она очень стеснялась и первой своей просьбы, но помня об уговоре,

Демьен, посмеиваясь, снял корону и передал ее онемевшей от счастья девушке.

Та взяла ее аккуратно, надёжно, обняв обеими ладонями, словно корона была не золотая, а из хрупкого стекла, и в любой момент могла развалиться от неловкого движения.

- Тяжёлая, - тихо и восторженно произнесла Ежинка, поворачивая корону и так, и этак, любуясь ею совершенно как ребенок новой красивой игрушкой. Демьен согласно кивнул, наблюдая за играющей с его короной девчонкой и попивая ее волшебный чай. В его серых глазах плясали смешинки; когда Ежинка, затаив дыхание, водрузила королевский венец себе на голову, он снова засмеялся, потому что на бесхитростно лице девчонки выписалось абсолютное блаженство, словно исполнилась ее самая заветная мечта.

- Идёт мне? - спросила Ежинка, придерживая корону на голове руками. Она была велика Ежинке, золотой обруч спал на ее лоб, простенькое бесхитростное личико под золотым великолепием венца казалось кротким и бледным до прозрачности.

- Очень идёт, - серьезно подтвердил Демьен.

Наверное, чтоб продлить ещё хоть ненадолго свое счастье, Ежинка притащила ещё один кусок сахара - наверняка последний, - и предложила его гостю, чтобы вдоволь наvertеться в его короне перед зеркалом, налюбоваться переливами света а гранях драгоценных камней пока Король пьет ее чай. Демьен, усмехаясь, тайком положил сахар обратно на таре-

лочку; ни за какие короны в мире нельзя отнимать такую драгоценность у бедного лесного дитя.

- Что ж, - промолвил он, когда Ежинка со вздохом вернула ему корону, наигравшись. - Пора на ночлег. Скоро уже расцветёт, а ни ты, ни я толком не спали. Где ты мне разрешишь устроиться?

- Я могу уступить тебе свою постель, молодой Король, - задумчиво ответила Ежинка, и Демьен снова рассмеялся.

- Нет уж, - ответил он. - Ещё у эльфов я не отнимал подушки с одеялами... Вот тут, у печи, в охапке сена, будет самое то.

Так и сделали.

Ежинка принесла пахнущего морозом сена, постелила поверх него свою самую косматую, толстую шаль, и Демьен завалился и уснул почти тотчас же, как засыпают уставшие молодые люди, чья совесть чиста.

Однако, самой Ежинке не спалось; к тому же, рассвет был очень близок. Небо уже было светло-серым; и она, повздыхав ещё немного о короне, которую ещё хотелось надеть ну хоть разок, решила отправиться за водой к близлежащему ручью.

Он располагался на самой границе заснеженного леса и полянки, на которой снег снова стоял, обнажив черный ковер из опавших листьев и колкой сухой хвои.

Вода в нем всегда была вкусна и чиста. Незамерзающей черной змеею вилась она меж белых заснеженных берегов, и Ежинка, набирая хрустальной воды в ведёрко, любовалась

снегирями, объедающими рябину с черных ветвей, и слушала песни ручья, которые тот пел, разнося их по всему лесу...

- ...Сцапать и съесть, пока спит, хе-хе-хе...
- ...Обглодать косточки добела!
- ...Сварить в большом котле!

Ежинка, до того момента словно задремавшая под журчание ручья по гладким камешкам, вздрогнула и очнулась, с тревогой прислушалась к скрежещущим злобным голосам, раздающимся с противоположного берега ручейка.

Три грязных кучи прелых листьев, неуклюже шевелящихся на мокрой земле, похожие на оживших химер с мерзкими уродливыми мордами, едва слышно переговаривались меж собой. Ежинке и раньше казалось, что она слышит сердитые голоса, когда ветер перебирал листья, упавшие в осеннюю траву, но никогда эти разговоры не было так явны, как сегодня, и никогда в них не было столько злобы.

От испуга Ежинка едва не выпустила свое ведро и вскрикнула, подскочив на ноги. Одна из куч - та, что была самой маленькой и состояла в основном из переломанных бурей сухих ветвей, кое-как присыпанных листвой, - обернула свою черную недобрую физиономию к обомлевшей от страха Ежинке и та увидела злобные глазки из чуть поблескивающего меж листьев тусклого мутного льда со вмерзшим в него мелким мусором.

- Слышит нас? - проскрежетала скрипучими палками куча

и вдруг поднялась, обнаружив тощие длинные ноги из кри-
вого бурелома.

- И видит нас! - подтвердила вторая куча. Ее ножки были
короткие и толстые, как трухлявые пеньки, и ей приходилось
руками из листьев поднимать волочащееся по земле пузо.

А третья куча ничего не сказала.

Словно голодный дикий волк она крадущимися шагами
подобралась к самому ручью и склонилась над ним, нюхая
воду.

- Кого это вы съесть собрались? - выкрикнула Ежинка,
чувствуя, как сердце ее замирает от страха. Она отступила
назад, прижимая к себе свое ведро с водой, и кучи расхохо-
тались противным злорадным хохотом.

- Короля, Короля! - вопили они радостно.

- Он сам явился в наш лес!

- Он сам виноват!

- Он вкусный, он наверняка вкусный!

Распугивая снегирей, на рябину спикировал маленькие
черные грифоны - создания страшно злобные и противные.
Крылья у них были чернее, чем у ворон, а пасти - злее, чем
у кусачих собак.

Грифонов было так много, что Ежинка от страха и отчая-
ния едва не разрыдалась; от двоих-троих Король ещё отобь-
ется, но от десятка уже вряд ли. А их налетело столько, что
рябина согнулась под их черными телами, снег попадал с ее
поникших ветвей.

- Он спит в лесном домике! - каркали они, разевая зубастые пасти. - Крепко спит, усталый! Он не проснется, если забить печную трубу листьями и подпереть двери!

- Но Король хороший, - в отчаянии выкрикнула она. - Зачем вы замышляет против него дурное?!

Ответом ей был злой хохот, скрежет и вороний гомон.

- Глупая девчонка! Хороший, хороший, - пыхтели мусорные кучи. - А будет ещё лучше, когда ляжет косточками в черную листву...

Шлепая неуклюжими тяжёлыми ногами по воде, мусорные кучи перешли ручей, и на заснеженном берегу настряпали неряшливых черных пятен, оставляя за собой слипшиеся листья и мелкие щепки.

На другом, черном берегу, сами по себе, оживали все новые и новые кучи, скатываясь, как комья из снега для снеговиков. Ловко прилаживались растрёпанные уродливые головы на толстые бесформенные тела, выпускались руки и ноги, состоящие из скрученных прутьев и палок.

- Я не позволю вам тронуть Короля, - обречённым голосом произнесла Ежинка, глядя, как врагов становится все больше и больше, как их жуткими неповоротливыми фигурами наполняется лес.

Ведро грянулось оземь, окатив ее прохудившиеся башмаки ледяной водой, но Ежинка словно не заметила этого. Нашарив под снегом палку, обломаное молоденькое деревцо, она подняла ее над головой, и ее мышинные глазки гневно за-

сверкали.

- Прочь! - выкрикнула Ежинка, размахивая палкой, отгоняя листовенные кучи с протоптанной ею тропинки, засыпанной еловой хвоей. - Не смейте!

Хрясь! - и ее палка надвое разбила самую толстую листовенную кучу, но та, собирая листья вперемешку со снегом, сгребла себе ещё большее пузо и снова поднялась на свои коротенькие трухлявые ножки.

Злые черные грифоны налетели на Ежинку, стегая ей по лицу крыльями, вцепились десятками острых когтей в ее шали, в волосы, в палку, стараясь вырвать оружие из рук девочки, но она не сдавалась. Даже когда эта галдящая злая стая принялась яростно кусать ее, она не отпустила свою палку и продолжила отбиваться от них, рыдая от бессилия и испуга.

- Скорее, скорее! - скрипела куча, размахивая рыхлыми руками. - Рассвет уже близок! Она не успеет предупредить Короля! Не успеет! И он не успеет проснуться...

- Иногда, - яростно пророкотало над полянкой, - Короля предупреждать не надо, он сам все видит!

На мгновение воздух невероятно потеплел, так, что куча, состряпавшая себе живот из снега вперемежку с листьями, подтаяла и скособочилась. Стало светло, так светло, словно солнце решило подняться пораньше и сразу вскарабкаться в зенит; и Ежинка, с плачем отбивающаяся от злоющих черных грифонов, почувствовала, что ей в ее многочисленных

одеждах нестерпимо жарко.

А злобные твари, ещё минуту назад кружащиеся над нею с вороньими криками, вдруг разлетелись с воплями, за исключением тех, кто попадал, обугленный, в стремительно тающий снег.

Ежинка, так и не выпустившая из рук палку, подскочила. В пылу битвы она потеряла один башмак, который стащил с ее ноги один из грифонов, на щеке ее красовалась свежая царапина. С радостным криком обернулась она к спасителю - и замерла, потому что за спиной ее расправлял крылья молодой алый Дракон.

Сразу было видно, что он очень зол; его глаза горели так, что и одного взгляда в них было достаточно, чтоб злобное мусорное войско тотчас расхотело нападать на Короля и Ежинку и ретировалось, стеная и повизгивая от страха. Но не в планах Дракона было отпускать их; и потому он раскрыл свою страшную пасть и выплюнул струю белого пламени, которое сжигало лиственные кучи в один миг, оставляя после них лишь горстку дымящегося пепла.

Ежинке было очень страшно; но отчего-то она не придумала ничего умнее, чем крепко закрыть лицо руками и стоять так, не двигаясь. Ей казалось, что Дракон, преследуя негодяев, уйдет с поляны, но он встал прямо над нею, отгородил ее своими лапами от разлетающихся злобных грифонов и продолжил палить и палить их, пока последний злобный писк не стих над истоптаной черной поляной, пока по-

следняя листовенная куча не рассыпалась тлеющими черными чешуйками. Только после этого Дракон перестал плевать пламенем и смолк, а на плечи Ежинки опустились ладони, и знакомый - королевский, - голос спросил:

- Напугалась?

Глава 6. Страж Короля Зимы

- Конечно, напугалась. Кто не испугался бы дракона? Это уродливые, злобные создания, кровожадные твари! Разве можно их не бояться?

Вдоль вьющегося меж заснеженных берегов ручья шагала Осень, заматывая обгоревшую листву подолом своего белого испорченного платья. Вслед за нею, шлепая подпаленными пузами по подтаявшему снегу, ползли пара мелких куч, чуть подпаленных, но, однако, уцелевших. Они хныкали и ныли, жалуясь Осени на свои боевые ранения. Но та со злобностью отталкивала их босой ногой, нарочно наступала на их лиственные лапки, и кучи хныкали еще громче и горше, не найдя утешения и ласки.

Лицо Осени было мертвенно-бледно, с темными кругами под глазами, цвета истоптанного снега, перемешанного с серым пеплом листьев. Корона на ее голове растеряла свою яркость и остался лишь черный остов, перепутанные черные ветви, голые и мертвые. Осень злилась; ее слуги оказались слишком слабы, неповоротливы и хрупки против магии Короля Драконов, он разметал и уничтожил их одним своим дыханием, не дал перейти ручей - странную, таинственную границу, которую они долго не могли пересечь, не находили сил, а вот теперь нашли - и проиграли в схватке с Демьеном.

И оттого безумная Осень бесилась; пальцы ее нервно сжи-

мались, острые ногти впивались в ладони, и она со злостью прикусывала губы, выдумывая, как бы побольнее ранить, что бы сказать такого обидного победителю, чтобы ему стало непереносимо стыдно и страшно - ровно так же, как ей, проигравшей.

На миг Демьену показалось, что в ее дождливых глазах он видит испуг, почти ужас, какой испытывают язычники при виде ожившего божка, но Осень моргнула, страх растворился в ее мутных зрачках.

- Давай, скажи ей, - злобно и вкрадчиво продолжила она, кивком головы указав на Ежинку, которая от испуга прижалась к Демьену, спрятала свое лицо на его груди, - откуда тут взялся дракон, и куда он потом делся! Скажи этой глупой уродливой девчонке, - Осень злобно расхохоталась, - кто на этой поляне самое страшное чудовище! А ты, - Осень глянула на притихшую Ежинку так люто, что, казалось, еще миг - и сейчас набросится на бедную девочку, вцепится в ее лицо ногтями, раздирая кожу до крови, - уродливая никчемная замарашка, глупая трусливая нищенка, посмотри внимательно на своего молодого прекрасного Короля! На его шелковые волосы, в его серые глаза! Запомни хорошенько его красивые черты, его ослепительную улыбку, потому что когда он покажет свое истинное лицо, ты заплачешь от страха и отвращения!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.